

Джон
Берендт

Полночь в саду добра и зла

[роман]

XX век / XXI век – The Best

Джон Берендт

Полночь в саду добра и зла

«АСТ»

1994

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Берендт Д.

Полночь в саду добра и зла / Д. Берендт — «АСТ», 1994 — (XX век / XXI век – The Best)

ISBN 978-5-17-982400-8

В старинном особняке Саванны туманным утром 2 мая 1981 года прогремели выстрелы — убит Дэнни Хэнсфорд, молодой человек с сомнительной репутацией. Под подозрением оказывается хозяин дома... Так начинается расследование, длившееся десять лет. Именно столько времени потребовалось, чтобы узнать, что же все-таки тогда произошло — убийство или акт самозащиты. Однако главное в романе вовсе не детективная составляющая, а сам городок Саванна с его обитателями: светскими дамами из Карточного клуба замужних женщин; затворником, чья бутылка с ядом способна убить всех жителей города; пожилым человеком, выгуливающим каждый день несуществующую собаку; королевой красоты леди Шабли, выступающей в весьма экстравагантном шоу; жрицей вуду, проводящей ритуалы ночью на кладбище... Самое интересное, что эта история и все ее персонажи — не вымысел. Джон Берендт, основываясь на реальных событиях, сумел создать роман, завоевавший сердца миллионов читателей.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-982400-8

© Берендт Д., 1994

© АСТ, 1994

Содержание

Часть первая	6
Глава I	6
Глава II	19
Глава III	27
Глава IV	35
Глава V	41
Глава VI	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Джон Берендт
Полночь в саду добра и зла
Моим родителям

Часть первая

Глава I Вечер в Мерсер-Хаузе

Моему собеседнику можно было дать на вид не более пятидесяти. Худощавое, красивое лицо его отличалось настолько правильными чертами, что казалось почти зловещим, усы аккуратно подстрижены, волосы серебрились на висках благородной сединой. Глаза были настолько черны, что напоминали тонированные стекла роскошного лимузина – изнутри видно все, но попробуйте заглянуть в салон... Мы удобно расположились в гостиной его старинного, выстроенного в викторианском стиле дома. Об этом доме стоит рассказать особо: то было строение из настоящего красного кирпича, с пятнадцатифутовыми потолками и великолепно спланированными комнатами. Винтовая лестница соединяла центр гостиной с расположенным на втором этаже обширным балльным залом, увенчанным прозрачным куполом, громадным, как небосвод. То был Мерсер-Хауз, один из последних домов подобного рода в Саванне, до сих пор остававшийся в частном владении. Вместе с садом и каретным сараем он занимал целый квартал. Если даже согласиться с тем, что Мерсер-Хауз не самое большое здание в Саванне, то любому тем не менее пришлось бы признать, что обставлен этот дом с гораздо большим вкусом, нежели все другие. «Архитектурный дайджест» посвятил Мерсер-Хаузу целых шесть страниц, а это не так уж мало. В каталоге интерьеров богатейших особняков мира в одном ряду с этим домом стоит Сагамор-Хилл, Билтмор и Чартвелл. Мерсер-Хауз являлся предметом зависти всей Саванны, жители которой весьма склонны гордиться своими жилищами. Джим Уильямс жил в Мерсер-Хаузе один.

Сейчас Уильямс с наслаждением курил сигару «Король Эдуард».

– Что мне больше всего нравится, – говорил он, выпуская кольца ароматного дыма, – жить как аристократ, но без необходимости на деле нести сей тяжкий крест. Голубую кровь ослабили родственные браки. Этим людям на протяжении многих поколений приходится выглядеть важными и величественными. Немудрено, что они потеряли всякие амбиции. Во всяком случае, я им не завидую. Единственное, что есть ценного у аристократов, – это их старинная мебель, картины и серебро – короче говоря, все то, с чем им приходится расставаться, когда у них кончаются деньги, а этот товар у них кончается всегда. И тогда они остаются наедине со своими утонченными манерами.

Он произнес эту длинную тираду с тягучим, мягким – почти бархатным – южным акцентом. Стены дома были увешаны портретами кисти Гейнсборо, Хадсона, Рейнолдса и Уистлера. Из золоченых рам на нас глядели герцоги и герцогини, короли, королевы, цари, императоры и диктаторы.

– Лучше всего, – произнес Уильямс, – смотрятся портреты особ королевской крови.

Он затушил сигару в серебряной пепельнице. На колени ему вспрыгнул серый тигровый кот, которого Уильямс нежно погладил.

– Я отдаю себе отчет в том, что внушаю многим превратное мнение о себе, живя подобным образом, но я не пытаюсь никого ввести в заблуждение. Однажды, много лет назад, я показывал группе своих гостей дом и видел, как один из них, подняв вверх большой палец, обратился к своей жене: «О, это настоящие старые деньги!» Того человека звали Дэвид Говард, он ведущий мировой специалист по геральдическому китайскому фарфору. После показа я отвел его в сторонку и сказал: «Мистер Говард, я родился в Гордоне, штат Джорджия. Там недалеко протекает речушка Мэкон. Единственная достопримечательность Гордона – это меловая

шахта. Мой отец был парикмахером, а мать работала секретаршей в шахтоуправлении. Моим деньгам – всем, сколько их есть, – около одиннадцати лет». Надо было видеть выражение его лица! «Знаете, почему я подумал, что вы из старинного рода? – спросил он, придя в себя. – Дело не только в шедеврах живописи и антиквариате. Я обратил внимание на чехлы старинных стульев – материя кое-где прохудилась, и новый богач наверняка заменил бы их новыми, а старый – нет». «Я знаю это, – ответил я. – Кстати, мои лучшие покупатели – именно старые богачи».

За те полгода, что я прожил в Саванне, мне частенько приходилось слышать имя Джима Уильямса. Причиной столь большой популярности был не только дом. Джим с успехом занимался продажей антиквариата и восстановлением и реконструкцией старых зданий. Кроме того, он являлся президентом Телфэйрской академии – местного музея искусств. Уильямсу была предоставлена колонка в журнале «Антиквар», и главный редактор этого издания Уэнделл Гаррет отзывался о Джиме как о гении. «У него необычайный нюх на подлинные вещи, – говорил Уэнделл. – Этот человек доверяет своему вкусу и не боится испытывать судьбу. Он может сорваться с места, сесть в самолет и отправиться на интересный аукцион – пусть даже тот проходит в Нью-Йорке, Лондоне или Женеве. Однако в глубине души он настоящий южный шовинист, истинный сын Юга. Не думаю, что он очень хорошо относится к янки».

Уильямс сыграл выдающуюся роль в восстановлении исторического центра Саванны, начав заниматься этим вопросом в середине пятидесятых. Джорджия Фосетт, фанатичная и давняя поборница сохранения исторических памятников, вспоминала, как трудно было увлечь людей идеей восстановления центральной части города. «Старый город превратился в настоящие руины, заваленные всяким хламом, – говорила она. – Красные линии¹ большинства улиц заняли банки, а великолепные старые дома постепенно ветшали и сносились, уступая место заправочным станциям и автостоянкам, при этом ни один банк не хотел давать деньги на спасение города от окончательного разрушения. По улицам разгуливали проститутки, а добропорядочные семейные пары с детьми боялись селиться в центре, считая этот район опасным». Миссис Фосетт начиная с тридцатых годов была членом маленькой группы благовоспитанных энтузиастов, стремившихся вытеснить из центра города бензоколонки и спасти старые дома. «Но кое-что нам все-таки удалось, – с гордостью добавляла миссис Фосетт. – Мы сумели заинтересовать холостяков».

Одним из таких холостяков и оказался Джим Уильямс. Он купил ряд кирпичных одноэтажных строений на Ист-Конгресс-стрит, отремонтировал их и продал. Вскоре он начал покупать, реставрировать и продавать дома в центре Саванны дюжинами. Газеты писали об этом, имя Уильямса стало широко известным, и его антикварные дела тоже пошли в гору. Джим начал раз в год выезжать в Европу, его принимали там хозяева самых фешенебельных салонов. Таким образом, взлет состояния Уильямса шел рука об руку с восстановлением исторической части Саванны. В начале семидесятых годов туда вернулись семейные пары с детьми – проститутки с позором бежали на Монтгомери-стрит.

Охваченный упоением от успехов, Джим купил остров Кэббидж – один из мелких островков, цепочкой протянувшихся вдоль побережья Джорджии. Приобретение такой недвижимости все посчитали причудой, если не откровенной глупостью. Площадь острова составляла восемнадцать акров, из которых во время прилива под водой оказывались тринадцать. В начале 1966 года Уильяме заплатил за Кэббидж пять тысяч долларов. Старые просоленные морские волки говорили Джиму, что его попросту облапошили – всего год назад за этот остров просили чуть больше двух тысяч. Что и говорить, пять тысяч долларов – очень большие деньги за кучу мокрых камней, на которых невозможно построить даже маленькую хибарку.

¹ Выигрышная с точки зрения архитектуры воображаемая линия расположения построек. – *Здесь и далее примеч. пер.*

Однако несколько месяцев спустя на некоторых островах архипелага, включая и Кэббидж, были открыты месторождения фосфатов, и Уильямс продал свой остров оклахомской компании «Керр-Макги» за шестьсот шестьдесят тысяч долларов. Владельцы соседних островов высмеяли его за торопливость – они считали, что продать месторождения можно и по более высокой цене. Возможно, они были правы, но через пару недель правительство штата запретило буровые работы на островах возле побережья, и Джим оказался единственным человеком, который вовремя избавился от своего острова. После вычета всех налогов прибыль Уильямса составила полмиллиона долларов.

Аппетиты его росли – теперь он покупал куда более пышные дома, нежели кирпичные одноэтажные бараки. Одним из его первых приобретенных фешенебельных зданий оказался Армстронг-Хауз, настоящее итальянское палаццо напротив Оглторпского клуба на Булл-стрит. По сравнению с Армстронг-Хаузом клуб выглядел просто крошечным, и, как утверждала местная молва, дом был выстроен именно с целью унижения клуба. Говорили, что богатейший судовладелец Джордж Армстронг воздвиг это здание в 1919 году после того, как оглторпские джентльмены отказались принять магната в свои ряды. Легенда не соответствует действительности, но дом от этого ни на йоту не потерял своего великолепия, царственно возвышаясь среди образчиков саваннского градостроительства. Он подавлял, нависал и вызывал трепет. К дому примыкала длинная колоннада, похожая на руки, угрожающе протянутые к стоявшему напротив Оглторпскому клубу.

Бьющее в глаза великолепие Армстронг-Хауза не давало покоя Уильямсу, который нагулял аппетит и все больше и больше тяготел к пышности. Надо сказать, что Джим не был членом Оглторпского клуба – холостяков, промышлявших торговлей антиквариатом, редко приглашали туда, – впрочем, Уильямса это нимало не беспокоило. Он перевел в Армстронг-Хауз свой главный антикварный магазин ровно на год, а потом продал здание адвокатской фирме Бьюхена, Уильямса и Леви, продолжая при этом вести жизнь аристократа. Теперь Джим сосредоточил свое внимание на Европе, частенько наведываясь туда для приобретения старинных раритетов. Последние путешествия он совершил на «Королеве Елизавете» – надо было выдерживать стиль – и прислал из Британии несколько контейнеров, заполненных живописными полотнами и английской мебелью. Тогда же он купил первые шедевры Фаберже. К вящему раздражению местного высшего общества, Джим вскоре стал заметной фигурой в Саванне. «Как вы себя чувствуете, зная, что вас называют *nouveau riche*?»² – спросили как-то Уильямса. Он ответил, что в этом словосочетании играет роль только слово *riche*. И тут же купил Мерсер-Хауз.

Дом этот пустовал на протяжении более чем десяти лет. Находился Мерсер-Хауз на западной стороне площади Монтерей, одной из самых элегантных, обрамленных тенистыми аллеями площадей Саванны. Здание было выстроено в итальянском стиле – его украшали высокие, узкие, сводчатые окна, изящество которых подчеркивали металлические кованые балкончики с затейливым узором. Дом не высовывался на красную линию, выбросив вперед, словно передник, зеленую лужайку, окруженную ажурной чугунной оградой. Здание не выглядывало на площадь, а скорее господствовало над ней, хотя здесь, видимо, больше бы подошло слово «царствовало». Последние владельцы дома – Шрайнеры – превратили особняк в модный клуб, посетители которого въезжали в великолепный двор на ревущих мотоциклах. На воротах в то время светилась неоновая вывеска, выполненная в форме турецкого ятагана. Уильямс отреставрировал дом так, что он превзошел по изяществу тот замысел, с которым его строили первоначально. Когда в 1970 году реконструкция была закончена, Джим устроил на Рождество официальный прием, на который были приглашены сливки саваннского общества. В тот вечер каждое окно Мерсер-Хауза освещалось мягким светом свечей, во всех залах источали массу

² Нувориш, богатый выскочка (*фр.*).

света величественные канделябры. Люди толпились возле дома, с любопытством разглядывая подъезжающих к воротам знаменитостей, удивляясь тому, что столь прекрасный дом столько лет простоял в полной темноте, всеми забытый и брошенный. На первом этаже, у подножия лестницы, пианист играл попури, а на втором, в бальном зале, звучали органные пьесы бессмертных мастеров. Лакеи в белых livree'ях неслышно скользили между гостями, предлагая шампанское и прохладительное с серебряных подносов. Дамы в длинных платьях поднимались и спускались по спиральной лестнице, шурша шелком и бархатом, струившимися с их полуобнаженных плеч. Старая Саванна была явно озадачена.

Подобный вечерний прием вскоре стал традиционным и органично вписался в календарь светской жизни Саванны. Уильямс всегда устраивал его в разгар зимнего сезона – в ночь накануне бала дебютанток. Эта пятница стала вскоре известна как рождественский прием у Джима Уильямса. То был прием года, и стоил он Уильямсу немалых усилий. «Вы должны понять, – громогласно заявил как-то представитель шестого поколения саваннских аристократов, – что Саванна очень серьезно относится к балам и приемам. Это город, где у каждого джентльмена есть белый галстук и фрак. Нам не приходится брать их напрокат. Так что надо отдать должное Уильямсу – он сумел завоевать выдающееся место на нашей социальной сцене, при этом не являясь коренным саваннцем и будучи холостяком».

Еду для рождественских приемов поставляла известная всей Саванне Люсиль Райт. Эта довольно светлокожая негритянка пользовалась столь прочной репутацией среди саваннских дам, что они предпочитали перенести дату какого-либо праздника, если миссис Райт была в этот день занята. Еда этой достойной дамы настолько отличалась по качеству, что ее блюда узнавали сразу же. Гости посасывали сырную соломку, ели маринованные креветки, пробовали крошечные сэндвичи с помидорами и понимающе улыбаясь. «Люсиль!...» – говорили они при этом, и к сказанному, право, нечего было больше добавить. (Томатные сэндвичи Люсиль Райт никогда не бывали мокрыми, потому что она промокала каждый ломтик помидора бумажной салфеткой, и это был только один из ее многочисленных кулинарных секретов.) Клиенты ценили ее чрезвычайно высоко. «Она настоящая леди!» – часто говаривали саваннские джентльмены, и в их устах это слово, отнесенное к чернокожей женщине, звучало как высшая похвала. В свою очередь, Люсиль не скрывала восхищения своими патронами, хотя вынуждена была признать, что саваннские хозяйки, даже очень богатые, имели обыкновение, приезжая к ней, говорить: «Знаешь, Люсиль, я собираюсь устроить милую вечеринку, но не хочу при этом тратить много денег». Джим Уильямс был не таков. «Он любит во всем очень пышный стиль, – говорила о нем Люсиль, – и он очень вольно обращается со своими деньгами. Очень, очень вольно. Бывает, приходит и говорит: «Люсиль, у меня будет двести человек, я намерен накормить их грубой, но вкусной пищей. Значит, ее должно быть много, мне не хочется, чтобы в разгар праздника еда кончилась. Поэтому покупай все, что считаешь нужным, сколько на это пойдет денег, меня не волнует».

Рождественские приемы Джима Уильямса стали тем событием, ради которого, по словам «Джорджия газетт», жило все светское общество Саванны. Ради которого или без которого, поскольку Джим частенько менял списки приглашенных. Он писал имена на картонных карточках и складывал их в две стопки – стопку *приглашенных* и стопку *неприглашенных*. При этом Уильямс не делал из своей причуды никакой тайны. Если какой-то человек умудрялся чем-либо насолить Джиму в течение года, его карточка автоматически переносилась во вторую стопку – это было наказание, которое обрушивалось на голову ничего не подозревающей жертвы в самый канун Рождества. «Список *неприглашенных*, – поведал как-то Джим корреспонденту «Газетт», – имеет в толщину целый дюйм».

На город опустились сумерки, подернув зыбким туманом очертания площади Монтерей и превратив ее в слегка затемненную сцену, обрамленную розовыми азиями, которые окружали стволы дубов с изъеденными кронами и оттеняли густую, почти черную зелень испан-

ского мха. Светлый мраморный постамент памятника Пуласки смутно белел в глубине площади. На кофейном столике Уильямса лежала книга «В домах Саванны – великие интерьеры». Такие книги я видел на нескольких кофейных столиках в гостиных Саванны, но именно здесь она вызывала какое-то сюрреалистическое чувство – на обложке была изображена та *самая* гостиная, где мы в настоящий момент пребывали.

До этого Уильямс битый час водил меня по Мерсер-Хаузу и по антикварному магазину, который располагался в каретном сарае. В бальном зале он сыграл мне сначала что-то из Баха, а потом «Я поймал ритм». Под конец, чтобы продемонстрировать мне оглушающую мощь своего органа, он предложил моему вниманию «Героическую пьесу» Сезара Франка. «Когда мои соседи позволяют своим собакам быть всю ночь напролет, они взамен получают именно эти звуки», – сказал мне Уильямс. В столовой он показал мне королевские сокровища – серебро императрицы Александры, фарфор герцогини Ричмондской и серебряный сервиз на шестьдесят персон, принадлежавший некогда русскому великому князю. Герб, снятый с дверцы коронационной кареты Наполеона, красовался на стене кабинета Джима Уильямса. Тут и там можно было увидеть маленькие шедевры Фаберже – портсигары, украшения, шкатулки для драгоценностей, – побрякушки аристократов, признаки благородства и королевского достоинства. Как только мы заходили в очередную комнату, в углу ее вспыхивал крохотный красный огонек – за нами зорко следили электронные стражи.

На Джиме были надеты серые брюки и голубая хлопчатобумажная рубашка с закатанными рукавами. Тяжелые черные башмаки на толстой каучуковой подошве смотрелись диссонансом в элегантной гостиной Мерсер-Хауза, хотя это было практично – Джим Уильямс несколько часов в день проводил на ногах, собственноручно занимаясь реставрацией антикварной мебели в мастерской, расположенной в подвале дома. Руки его, дочиста отмытые от грязи и смазки, были тем не менее грубы и покрыты жесткими мозолями.

– Самой характерной чертой саваннцев, – говорил между тем Уильямс, – является их любовь к деньгам и совершенное нежелание их тратить.

– Тогда кто же покупает весь тот дорогостоящий антиквариат, который вы показывали мне в вашем магазине? – поинтересовался я.

– Об этом-то я и говорю, – ответил он. – Я продаю все эти вещички жителям других городов. Атланта, Новый Орлеан, Нью-Йорк – вот где я веду свои дела. Когда мне удастся отыскать какой-нибудь необыкновенный мебельный гарнитур, я посылаю его фотографию своему нью-йоркскому дилеру, не теряя времени на то, чтобы пытаться продать его здесь, в Саванне. Не то чтобы здешние жители бедны и у них не хватает денег, нет, они просто скупы. Приведу вам один пример. В этом городе живет одна *grande dame*, великосветская львица и по-настоящему богатая женщина – она одна из самых богатых людей на Юго-Востоке, не говоря уж о Саванне. Эта дама – владелица медной шахты. Она построила себе дом в престижной части города – точную копию плантаторской усадьбы в Луизиане с огромными белыми колоннами и винтовыми лестницами. Этот дом хорошо виден с моря, все, кто проезжает мимо, качают головами и причмокивают языками: «Ооо, вы только посмотрите на это чудо!» Я просто обожаю эту женщину, она когда-то заменила мне мать. Но это самая скупая женщина из всех, кто когда-либо жил на нашей грешной земле! Несколько лет назад она заказала для своего дома кованые ворота. Их сделали специально для нее по особому заказу, с особой тщательностью. Но, когда ворота привезли к ее дому, она словно сорвалась с катушек, заявив, что ворота ужасны, что они никуда не годятся и что вообще это не работа, а халтура. Тут же она порвала договор, а цена ворот была тысяча четыреста долларов, цена для того времени очень даже не малая. «Увозите их отсюда! – кричала она. – Я не желаю их больше видеть!» Кузнецы забрали работу, но не знали, что с ней теперь делать. В конце концов, где могли они найти покупателя на украшенные затейливым узором ворота, сработанные для конкретного дома по определенному размеру? Единственное, что они могли, – это спустить их по цене металлолома, что они и сделали, сни-

жив цену с тысячи четырехсот долларов до ста девяноста. Естественно, на следующий день наша дама посылает к ним человека, который покупает ворота, и их привозят туда, где они и должны были находиться с самого начала. Саванна чистой воды! И именно это я подразумеваю, говоря о скупости. Не стоит обольщаться лунным светом и цветущими магнолиями. Дела здесь могут твориться довольно мрачные. – Уильямс погладил кота и стряхнул пепел с сигары в пепельницу. – В тридцатые годы в нашем городе был судья, член одной из самых знаменитых семей. Он жил через одну площадь отсюда, в большом доме с высокими белыми колоннами. Его старший сын закрутил роман с какой-то подружкой местного гангстера. Бандиты предупредили его, чтобы он отстал от девчонки, но парень и ухом не повел. Однажды вечером раздался звонок в дверь, и когда судья открыл, то увидел на ступеньках своего сына, истекающего кровью, с отрезанными интимными частями, которые находились тут же, заткнутые за лацкан пиджака. Врачи попытались пришить гениталии, но они не прижились, и мальчик умер. На следующий день в местной газете появилась статья под заголовком: «ПАДЕНИЕ С КРЫЛЬЦА ОКАЗАЛОСЬ СМЕРТЕЛЬНЫМ». Члены этой семьи до сих пор отрицают факт убийства, но сестра жертвы рассказала мне правду.

Но на этом не кончаются зловключения судейской семьи. У того же джентльмена был еще один сын, тот жил в доме на Уитакер-стрит и постоянно дрался со своей женой. Да-да, это были настоящие драки, они били друг друга, швырялись тяжелыми предметами и все такое в том же духе. Во время одной из драк в гостиной, где разворачивались события, появилась их трехлетняя дочка, которую горячие супруги не увидели в пылу борьбы. Муженек как раз в этот момент собирался ткнуть супругу носом в мраморный стол, что он и сделал. Стол опрокинулся и задавил девочку, чего они даже не заметили и обнаружили тельце дочки только несколько часов спустя, когда уничтожали следы поединка. Поскольку в этом деле была замешана честь семьи, факт трагедии до сих пор отрицают – ничего не случилось в этом благородном семействе!

Джим взял графин с мадерой и наполнил наши бокалы.

– Видите ли, для саваннцев питье мадеры – это настоящий ритуал, – продолжал Уильямс. – Хотя, если подумать, то это празднование самой что ни на есть неудачи. В восемнадцатом веке британцы привозили сюда виноградную лозу с Мадейры, надеясь разводить здесь этот сорт – дело в том, что Джорджия и Мадейра находятся на одной географической широте. Англичане надеялись превратить Джорджию в винодельческую колонию. Но мечтам этим не суждено было сбыться, виноделие в этих краях умерло, не родившись, но саваннцы так и не потеряли вкуса к мадере. Как, кстати говоря, и к любому другому алкоголю. Сухой закон не смог подавить эту страсть. У всех и каждого был свой способ раздобыть спиртное, особенно же отличались на этом поприще сухонькие старые леди, особенно старые. Они нанимали кубинских перекупщиков, и те возили с Кубы настоящий ром, снуя между Джорджией и своим островом как челноки.

Уильямс отпил глоток мадеры.

– Одна из этих старух умерла всего несколько месяцев назад. Ее звали миссис Мортон. О, то была достойнейшая женщина, которая всю жизнь прожила в свое удовольствие, благослови ее Бог. Когда однажды на рождественские каникулы к ней приехал ее сын с приятелем, уважаемая дама влюбилась в молодого человека. В результате юноша перебрался в супружескую спальню, а папочка отправился в комнату для гостей. Сын, не попрощавшись, уехал, и с тех пор в Саванне его не видели, а наша троица спокойно продолжала сосуществовать под одной крышей до самой смерти старика. Приличия были соблюдены – молодой любовник служил у леди шофером. Он привозил ее на званые вечера и отвозил домой, а другие женщины следили за ними сквозь опущенные жалюзи. Но никто и никогда не показывал виду, что происходит что-то из ряда вон выходящее. Никто, слышите, *никто*, ни разу не произнес в ее присутствии его имени.

Уильямс замолчал, несомненно, думая в этот момент о недавно усопшей миссис Мортон. На площади Монтерей было тихо. Через открытое окно слышалось только приглушенное пение сверчков и шум неторопливо проезжавших по мостовой машин.

– Как вы думаете, – нарушил я затянувшееся молчание, – что бы произошло, если бы гиды, ведущие автобусные экскурсии, рассказывали своим слушателям все эти сплетни?

– Это решительно невозможно, – ответил Уильямс. – Приличия должны быть безусловно соблюдены.

Тогда я и поведал Джиму о том, что мне довелось узнать сегодня утром, когда я, решив прогуляться, случайно услышал рассказ одной женщины-гида о том доме, в котором мы сейчас находились.

– Боже, сохрани эти докучливые создания, – произнес Уильямс. – И что же говорил им гид?

– Женщина рассказала им, что в этом доме родился знаменитый автор многих известных песен Джонни Мерсер, который написал «Лунную реку», «Хочу быть с тобой», «Чудо не выразишь словом» и много другого в таком же роде.

– Это неправда, впрочем, не лишняя оснований, – заметил Уильямс. – Что еще?

– Еще она сказала, что в прошлом году Жаклин Онассис хотела купить этот дом и предлагала за него два миллиона долларов.

– Гиду троечку с минусом, а вам я сейчас расскажу то, что происходило на самом деле. Строительство дома начал в тысяча восемьсот шестидесятом году генерал армии конфедератов Хью Мерсер, прадед Джонни Мерсера. К началу Гражданской войны дом не был закончен, а после нее генерал Мерсер угодил в тюрьму – его судили за расстрел двух дезертиров. Потом оправдали, в немалой степени благодаря ручательству его сына, и выпустили на свободу. Правда, вышел генерал Мерсер из тюрьмы желчным и озлобленным на весь белый свет человеком. Дом был продан, и его достраивал уже новый владелец. Так что никто из Мерсеров здесь не жил, в том числе и Джонни. Позже он навещался сюда, бывая в городе, и даже записал во дворе шоу Майка Дугласа. Однажды он предложил мне продать ему дом, но я ответил: «Джонни, он тебе совершенно не нужен, ты же закончишь свои дни рабом этого дома, как и я». Пожалуй, в тот момент он был ближе всего к тому, чтобы поселиться здесь.

Уильямс откинулся на спинку кресла и выпустил к потолку тонкую струю сигарного дыма.

– Чуть попозже я расскажу вам и о Жаклин Онассис, – проговорил Джим, – но сначала вы услышите еще одну историю, связанную с домом, которую вы никогда не узнаете от гидов. Этот произошедший пару лет назад инцидент я называю Днем флага.

Он встал и подошел к окну.

– Площадь Монтерей замечательно красива, – заговорил он. – Мне думается, что это самая красивая площадь Саванны. Архитектура домов, деревья, памятник – все это изумительно и очень гармонично сочетается друг с другом. Киношники просто обожают это место. За прошедшие шесть лет в Саванне сняли без малого двадцать художественных фильмов, и в каждом из них есть вид площади Монтерей. Каждый раз, когда начинаются очередные съемки, город сходит с ума. Всякий хочет либо попасть в массовку, либо познакомиться со звездами, либо просто поглазеть на происходящее с тротуара. Мэр и члены городского совета полагают, что продюсеры оставят в Саванне массу денег, что Саванна станет знаменитой, а это очень выгодно для туризма.

Но на самом деле ничего хорошего для города в этих бесконечных съемках нет. Участникам массовки платят совершенно мизерные деньги, и никакой всеамериканской известности у Саванны не будет, потому что публика, которая смотрит фильмы, не имеет ни малейшего представления о том, где именно делали картину. В действительности выходит, что затраты никогда не окупаются – мы тратим больше, чем получаем, если учесть дополнительные рас-

ходы на здравоохранение, полицию и необходимость изменять порядок уличного движения. А какие грубияны эти киношники. Они оставляют после себя горы мусора. Уничтожают кустарники. Вытаптывают газоны. Один из режиссеров даже срубил дерево, которое росло на площади, потому что оно не соответствовало его художественному замыслу.

Но самые большие негодяи приехали сюда пару лет назад снимать по заказу Си-би-эс телевизионный фильм об убийстве Авраама Линкольна. Они выбрали площадь Монтерей для какой-то очень важной уличной сцены, но, конечно, забыли предупредить об этом нас. Вечером накануне съемки полицейские обошли все дома, выходящие на площадь, и в ультимативной форме приказали нам отогнать с площади машины, не выходить и не входить в дома с десяти часов утра до пяти вечера следующего дня. Съёмочная группа пригнала на место восемь грузовиков с землей, которую ровным слоем рассыпали по улице, чтобы та выглядела такой же немощеной, какими были все улицы в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году. На следующее утро мы проснулись и увидели, что вся улица полна повозок, лошадей и дам в юбках с кринолинами. На всем вокруг лежал толстый слой пыли. Это было невыносимо. В центре площади стояли камеры, нацеленные как раз на мой дом.

Ко мне как к председателю жилищного фонда и бывшему президенту Ассоциации жителей центра Саванны обратились обитатели окрестных домов с просьбой предпринять хоть что-нибудь. Я вышел и попросил продюсера сделать тысячедолларовый вклад в фонд общества защиты прав человека, чтобы показать свои добрые намерения. Продюсер обещал подумать и дать ответ к полудню. Полдень наступил и прошел, а продюсера я так и не дождался. Вместо этого застрекотали камеры. Я решил сорвать съемку, и вот что я для этого сделал.

Уильямс подошел к стенному шкафу слева от окна и достал оттуда свернутый в рулон кусок красной материи. Подняв его над головой, он ловким движением рук развернул восьмифутовое полотнище нацистского знамени.

– Я вывесил флаг с этого балкона, – продолжал Джим. Он еще выше поднял флаг и показал его мне, чтобы я смог рассмотреть черную свастику в белом круге на ярко-красном поле.

– Держу пари, что они остановили съемку, – улыбнулся я.

– Да, но только временно, – произнес он. – Операторы принялись снимать противоположную сторону дома. Мне пришлось перенести флаг туда, вывесив его из окна кабинета. Они, конечно, отсняли то, что хотели, но я сделал все, что было в моих силах.

Уильямс аккуратно свернул полотнище и положил его обратно в шкаф.

– Это событие произвело такой фурор, какого я никак не мог ожидать. «Саванна морнинг ньюс» выплеснула на первую полосу подробный репортаж, снабдив его красноречивыми фотографиями. Меня разнесли в пух и прах в редакционной статье и опубликовали в следующих номерах гневные письма читателей. Обо мне сообщили все телеграфные агентства Штатов, и я попал в вечерние телевизионные новости.

Мне пришлось что-то сказать в свое оправдание, и я объяснил, что я не нацист, просто надо было испортить несколько кадров этим несносным киношникам, которые, насколько я понимал, не были евреями. Но, как оказалось, я не учел одного очень важного обстоятельства. Я совершенно забыл, что прямо напротив моего дома находится синагога «Микве Израэль». Раввин написал мне письмо, в котором спрашивал, каким образом в моем доме оказался нацистский флаг. Я ответил на письмо, сообщив раввину, что это знамя привез в качестве трофея с мировой войны мой дядя Джесси. Я прибавил к этому, что вообще собираю всяческие исторические реликвии, оставшиеся от рухнувших империй, и что этот флаг и несколько других сувениров Второй мировой войны входят в ту же коллекцию.

– Значит, я не ошибся, – заговорил я. – На столе в задней гостиной я видел нацистский кинжал.

– У меня их несколько, – спокойно произнес Уильямс, – плюс несколько палашей и эмблема с капота немецкой штабной машины. Вот, пожалуй, и все. Атрибутика гитлеровского

режима у нас не в чести, но все же и в ней есть какая-то историческая ценность. Люди в большинстве своем прекрасно это понимают, как понимают и то, что в моем протесте не было ничего политического. Буря утихла через пару недель, хотя и позже некоторые люди при случайной встрече спешили перейти на другую сторону улицы, сверля меня горящим взглядом.

– Но вас, насколько я понимаю, не подвергли остракизму?

– Вовсе нет. Более того, спустя полгода ко мне в гости пожаловала Жаклин Онассис. – Уильямс пересек комнату и приподнял наклонную крышку секретера. – Дважды в год, – заговорил он, – аукционный дом «Кристис» устраивает в Женеве аукционы по продаже вещей Фаберже. В прошлом году гвоздем аукциона должна была стать жадеитовая шкатулка исключительно тонкой работы. Вещь широко разрекламировали, и вокруг нее поднялся подлинный ажиотаж. В этот раз за торги отвечал Геза фон Габсбург. Он был бы эрцгерцогом Австро-Венгрии, если бы она еще существовала. Кстати говоря, мы с Гезой приятельствуем. Аукционы «Кристис» я посещаю регулярно, решил слетать и на этот. Я сказал: «Геза, я приехал сюда только за тем, чтобы купить вот эту коробочку». Геза рассмеялся в ответ. «Джим, таких, как ты, здесь наберется порядочная толпа». Я, конечно, понимал, что мне придется состязаться с Малкольмом Форбсом и ему подобными, но не мог отказать себе в удовольствии взвинтить цену. Поэтому я сказал: «Ладно, Геза, давай поступим таким образом: если кто-нибудь переплюнет меня и коробочка достанется ему, то пусть он, ради всего святого, знает, что купил настоящую вещь!» Торги начались с астрономических сумм, и в конце концов шкатулку все-таки купил я за семьдесят тысяч долларов. Потом я летел в «Конкорде» через Атлантику, пил коктейль с шампанским, а на подносе, покрытом льняной салфеткой, красовалось мое приобретение.

На следующее утро, ошалевший от смены часовых поясов, небритый, я колдовал в подвале, реставрируя старую мебель. В это время раздался звонок в дверь, и я послал одного своего помощника по имени Барри Томас узнать, в чем дело. Парень вернулся через минуту – он кубарем скатился вниз по лестнице и, едва переведя дыхание, сообщил мне, что в дверях стоит какая-то гидесса и утверждает, что в машине ее ждет Жаклин Онассис, которая очень хочет осмотреть мой дом. «Знаем мы эти подначки», – подумал я, но все же решил подняться наверх и все выяснить. Действительно, в вестибюле находилась девушка-гид, и действительно в машине ждала моего ответа миссис Онассис.

Я попросил девушку сделать несколько кругов вокруг квартала, чтобы я успел побриться и привести дом в порядок. Я кликнул своих ребят, и мы сделали то, что у нас называется «навести лоск», то есть за неполные десять минут мы вкрутили все лампочки, открыли шторы, вытряхнули пепельницы и выбросили старые газеты. Не успели мы закончить, как в дверь снова позвонили. На этот раз на пороге стояли миссис Онассис и ее друг Морис Темплсмен. «Мне страшно неловко, и я прошу у вас прощения, что не принял вас сразу, но, видите ли, я только вчера ночью прилетел из Женевы». – «Так кто же купил знаменитую шкатулку Фаберже?» – живо поинтересовался Темплсмен. «Вы не хотите войти и сами посмотреть эту вещь?» – ответил я вопросом на вопрос. Услышав это, Морис взял миссис Онассис под руку и тихо произнес: «Ну что я говорил? Нам надо было ее купить».

Уильямс протянул мне шкатулку. Красоту этого произведения трудно описать – ящичек размером около четырех дюймов чудесного, насыщенного зеленого цвета с крышкой, украшенной ажурными бриллиантовыми кружевами, причем каждый алмаз инкрустирован крошечным рубином. Поверх всего этого великолепия красовался белый эмалевый медальон с бриллиантовым, украшенным золотом, вензелем Николая Второго.

– Они побыли в доме около часа, – продолжал между тем рассказывать Уильямс. – Осмотрели все. Мы поднялись наверх, и я играл им на органе. Они само очарование. Темплсмен был при миссис Онассис, так сказать, специалистом по покраске. Такой специалист берет человека, переворачивает его вверх тормашками и окунает в краску для волос, да так ловко, что не пачкает ему ушей. Во всяком случае, он был очень интересен и хорошо разбирался в

антиквариате, впрочем, не лучше, чем Жаклин Онассис. В этом отношении они стояли друг друга. Эта пара путешествовала вдоль побережья на яхте мистера Темплсмена. Сама миссис Онассис – вполне земная женщина. Во всяком случае, она даже не вытерла пыль с садового кресла, когда садилась на него, хотя на ней был надет белый льняной костюм. Она пригласила меня в Нью-Йорк посетить ее, как она выразилась, «хижину».

– А как насчет предложения купить дом за два миллиона? – спросил я.

– Она не допустила такой бестактности, но Морису сказала в присутствии девушки-гида, которая, конечно, все выболтала первому попавшемуся репортеру, что была бы не против иметь этот дом со всем, что в нем находится. «Кроме Джима Уильямса, – добавила она, – это мне не по карману».

Я провел рукой по шкатулке Фаберже. Крышка беззвучно закрылась, приглушенно шелкнул золотой замок. Я до того увлекся потрясающей воображение вещицей, что не обратил внимания на скрежет ключа в замочной скважине входной двери Мерсер-Хауза и раздавшиеся вслед за тем уверенные шаги в холле. Внезапно дом огласился бешеным криком.

– Черт! Проклятая сука!

В дверях стоял светловолосый парень лет девятнадцати-двадцати, одетый в джинсы и черную футболку, на груди которой красовалась белая надпись: «ТВОЮ МАТЬ!». Мальчишку буквально трясло от еле сдерживаемой ярости, синие, как сапфиры, глаза горели неистовым гневом.

– У тебя неприятности, Дэнни? – с потрясающим спокойствием поинтересовался Уильямс, не потрудившись встать с кресла.

– Бонни! Проклятая сучка! Она меня наколола. Болтается по всем барам в округе. Будь она неладна! Пошла она в задницу!

Парень схватил со стола бутылку водки, налил до краев хрустальный стакан и одним глотком осушил его. Руки его были украшены татуировками – на одной руке флаг Конфедерации, на другой – цветок марихуаны.

– Возьми себя в руки, Дэнни, и успокойся, – рассудительно произнес Уильямс. – Расскажи мне, что произошло.

– Подумаешь, опоздал на пару минут! Я же понятия не имею о времени, и что?! Дерьмо собачье! Ее подружка заявила мне, что Бонни не стала ждать, потому что я не был там, где обещал быть. Подумайте, какие! – Он вперил пылающий взор в Уильямса. – Дай мне двадцать долларов! Мне нужны деньги, я все профукал!

– Зачем тебе деньги?

– Это тебя не касается! Мне надо сегодня потрахаться, если уж это тебя так интересует. Вот зачем!

– Мне кажется, что на сегодня с тебя хватит, охотник.

– Нет, я еще не натрахался досыта!

– Слушай, Дэнни, не надо делать это и садиться за руль. Если ты сядешь в машину, тебя как пить дать арестуют. Ты и так уже попал в полицейский участок, и против тебя выдвинули обвинение, когда ты в прошлый раз, как ты выразился, решил потрахаться. На этот раз тебе так просто не выкрутиться.

– Плевать я хотел на эту Бонни, на тебя и на полицию!

Выпалив эти слова, парень резко повернулся и выскочил из комнаты. С треском закрылась входная дверь. Потом хлопнула дверца машины, в вечерней тишине противно и протяжно взвизгнули покрывки. Колеса снова взвизгнули, когда машина огибала площадь, потом еще раз, когда Дэнни выбрался на Булл-стрит. Наступила тишина.

– Прошу прощения, – негромко произнес Уильямс. Он встал и налил себе выпить, правда, на этот раз не мадеры, а настоящей водки, тихо, почти неслышно вздохнул и расслабился. Плечи его опустились.

Я заметил, что до сих пор держу в руке шкатулку Фаберже. От волнения я так сжал ее, что испугался, не отскочили ли с крышки бриллианты. Но нет, кажется, все было на месте. Я отдал вещичку Уильямсу.

– Это Дэнни Хэнсфорд, – пояснил он. – Служит у меня в мастерской, восстанавливает мебель, впрочем, он работает не полный день. – Джим внимательно посмотрел на кончик дымящейся сигары. Выглядел он совершенно спокойным. – С ним такое происходит не в первый раз, – проговорил он. – Я даже знаю, чем все это сегодня кончится. Ночью, приблизительно в половине четвертого, раздастся телефонный звонок. Это, конечно, позвонит Дэнни. Он будет само очарование и покорность – такая детская непосредственность. Он скажет: «Привет, Джим! Это я, Дэнни. Я очень извиняюсь, что пришлось тебя разбудить. Но я сегодня так славно потрахался! Парень, это было что-то! Каких только глупостей я сегодня не понаделал!» В ответ я спрошу: «Ладно, Дэнни, рассказывай, что случилось сегодня?» И он начнет рассказывать: «Я звоню из тюрьмы. Да, да, они меня снова сюда упрятали. Но я ничего такого не сделал! Клянусь. Я поехал на Аберкорн-стрит, посмотреть, нет ли там Бонни, и немного спалил резину, ну и неправильно повернул направо – подумаешь, делов! Но коп был тут как тут – мигалки, фигалки, сирены! Слушай, у меня неприятности. Эй, Джим, ты меня слышишь? Как думаешь, может, тебе стоит приехать и вытащить меня отсюда?» На это я отвечу ему: «Дэнни, уже поздно, а я очень устал. Почему бы тебе не успокоиться и не расслабиться до утра? Только в тюрьме».

Дэнни не понравится такой ответ, но он не потеряет надежды и присутствия духа. Во всяком случае, в такой ситуации. Он сохранит полное спокойствие. Он скажет: «Я знаю, что ты имеешь в виду, и ты прав. Я должен остаться здесь до конца моих дней. Кому нужна моя дурацкая жизнь?» Теперь он начнет давить на мою жалость. «Хорошо, Джим, – скажет он. – Оставь меня здесь. Не беспокойся обо мне. Черт, да мне и самому наплевать, что со мной будет. Надеюсь, я не очень тебя расстроил? Надеюсь, что ты сможешь опять спокойно уснуть. Пока, Джим».

Внутри Дэнни будет кипеть, как паровой котел, но виду не подаст, потому что знает, что единственный, кто реально может ему помочь, – это я. Он знает, что я позвоню в полицейский участок и его выпустят, но я не стану делать этого до утра – пусть из парня выветрятся наркотики.

Уильямс, казалось, был совсем не взволнован тем, что по его дому только что пронесся смерч.

– В Дэнни уживаются две совершенно разные личности, и переключиться с одной на другую для него так же легко, как мне перевернуть страницу книги. – Уильямс говорил о Дэнни со спокойной отчужденностью, как совсем недавно он рассказывал о хрустальных уотерфордских канделябрах в своей столовой, о портрете Иеремии Теуса в гостиной или о сыне судьи и героине гангстерского фильма. Но в его словах не содержалось ничего, напоминающего ответ на резонный вопрос: что Дэнни вообще делает в Мерсер-Хаузе и почему он чувствует себя здесь хозяином? Несуразность такого положения озадачивала. Очевидно, Уильямс уловил недоумение в моем взгляде и счел нужным объяснить эту странность: – У меня гипогликемия, и в последнее время я частенько отключаюсь. Иногда, когда мне бывает нехорошо, Дэнни служит мне сиделкой.

Не знаю, что толкнуло меня на откровенность – мадера или атмосфера искренности, которую Уильямс сумел создать своими историями, – но я позволил себе усомниться, что потери сознания послужили достаточным основанием для того, чтобы этот бродяга так вольготно чувствовал себя в доме. Уильямс непринужденно рассмеялся.

– Если честно, то я думаю, что Дэнни имеет шанс немного исправиться.

– Исправиться? С чего бы это?

– Две недели назад у нас была подобная сцена, которая, правда, закончилась более драматично. В тот раз Дэнни был очень возбужден, потому что его друг пренебрежительно отозвался о его машине, а подруга отказалась выйти за него замуж. Он ворвался в дом как ураган, и прежде чем я понял, что происходит, успел перевернуть столик, грохнул об стенку бронзовую лампу и с такой силой разбил об пол стеклянный кувшин, что на фигурном паркете навечно остались следы его подвига. Но на этом парень не успокоился. Он схватил один из моих германских «люгеров» и выстрелил в пол на втором этаже, но и этого ему показалось мало – он выскочил на улицу и открыл огонь по светофору на площади.

Естественно, я вызвал полицию. Но Дэнни, едва слышав вой полицейских сирен, немедленно швырнул оружие в кусты, бросился в дом, взлетел вверх по лестнице и, как был, в одежде, бросился в кровать. Копы были здесь через минуту и настигли его в спальне. Но к тому времени, когда они ввалились в спальню, Дэнни притворился спящим. Когда его «разбудили», он изображал полное непонимание, отрицая, что бил какие-то вещи или стрелял из какого-то там пистолета. Однако полицейские заметили на его руках маленькие капли крови – парень поранился осколками стекла, когда разбивал кувшин. Они забрали Дэнни в участок. Я прикинул, что чем дольше он пробудет в полиции, тем больше будет сходить с ума, поэтому на следующий день отозвал свою жалобу, и его выпустили на свободу.

Я не стал задавать вполне очевидный вопрос: что у вас общего с этим беспутным парнем? Вместо этого я поинтересовался более интригующей загадкой.

– Вы сказали, что Дэнни стрелял из одного из ваших «люгеров». Так сколько же их у вас?

– Немного, – ответил Уильямс, – они нужны мне для безопасности. Я часто остаюсь один в этом большом доме, и пару раз меня пытались ограбить, причем в последний раз сюда проник грабитель с автоматом. Тогда я установил сигнализацию. Она прекрасно работает, но все дело в том, что ее можно включать только тогда, когда меня нет дома или если я наверху. Стоит мне спуститься вниз, как она реагирует на меня как на постороннего, посылая сигнал в полицию. Поэтому мне пришлось положить пистолеты в, так сказать, стратегически важных местах: один «люгер» лежит во внутренней библиотеке, другой в ящике стола в моем кабинете, третий – в гладильной, а в гостиной я держу «смит-вессон». Наверху у меня стоят дробовик и три винтовки, которые заряжены.

– Итого у вас в доме восемь заряженных стволов, – уточнил я.

– Я понимаю, это рискованно, но... я игрок и был им всю жизнь. Да и как иначе? Нельзя не быть азартным игроком, торгуя антиквариатом, реставрируя дома и занимая под это дело огромные деньги – а именно это мое основное занятие. Но, играя, я всегда продумываю свои действия и стараюсь исправлять ситуацию. Пойдемте, я сейчас вам кое-что покажу.

Уильямс повел меня к столику, на котором лежала доска для игры в триктрак. Сняв эту доску, он положил на стол другую, окантованную зеленым фетром.

– Я верю в способность человека силой сознания воздействовать на обстоятельства, – сказал он. – Мне думается, что концентрацией воли и ума можно влиять на происходящее. Вот, смотрите, я изобрел игру – она называется «Психологические кости». Правила ее очень просты. Берете четыре кости и называете вслух четыре произвольных числа от одного до шести – например, четыре, три и две шестерки. Вы бросаете кость, и если выпадает одна из названных вами цифр, то вы оставляете кость на доске! Играющий продолжает бросать кости до тех пор, пока все они не выпадут теми числами, которые вы назвали. Игрок выбывает, если после первых трех попыток не выпадает ни одно из задуманных им чисел. Цель игры – получить набор из четырех нужных чисел за наименьшее количество бросков.

Уильямс, кажется, действительно верил в то, что с помощью абсолютной концентрации внимания и мышления можно изменять в свою пользу любые обстоятельства.

– У кубика шесть граней, – говорил между тем Джим, – поэтому ваш шанс угадать число составляет одну шестую, но если вы сконцентрируетесь, то сможете посрамить теорию веро-

ятности, и это действительно так. Кстати, имеются экспериментальные доказательства – они были получены еще в тридцатые годы в Университете Дьюка. Ученые поставили там машину, которая умела бросать кости. Сначала она делала это в отсутствие наблюдателей, и результат полностью соответствовал теории вероятности. Потом в соседнем помещении сажали человека, который должен был, сконцентрировавшись, стараться заставить машину выбрасывать на костях нужные ему числа, и представьте себе – этот фокус удался. После этого человека поместили в той же комнате – на этот раз результаты получились еще более впечатляющими. Когда же кости стал бросать человек, используя для этого непрозрачный стаканчик, итоги были еще более однозначными. Но лучшие результаты были достигнуты тогда, когда человек бросал кости голыми руками.

Мы сыграли несколько партий, но я не мог бы утверждать, что принцип Уильямса оказался истинным – концентрация воли вряд ли имела какое бы то ни было влияние на исход бросков. Однако сам Уильямс был непоколебимо уверен в своей правоте и искал ей подтверждения в каждом результате. Когда я назвал пять, а кость выпала двойкой, Джим громко воскликнул:

– Ага, а вы между прочим, знаете, какое число находится напротив двойки? Нет? Пять! Такого я не смог ему спустить.

– Но ведь если бы мы с вами играли всерьез, то я считался бы проигравшим, не правда ли?

– Да, но вы подошли очень близко к выигрышу. Видите ли, концентрация, которая помогает выигрывать в «Психологические кости», может помочь во многих других ситуациях. Например, я никогда в жизни не болел, если не считать нескольких легких простуд. Я не могу себе этого позволить, у меня нет времени на болезни, для меня это непозволительная роскошь. Поэтому я концентрирую свою волю на здоровье. Дэнни сегодня не смог ничего сделать, кроме как выпустить пар, только потому, что это я сумел успокоить его силой своей концентрированной воли.

У меня имелись возражения на его замечание, но было уже слишком поздно – я поднялся, собираясь уходить.

– Вы допускаете такую возможность, что другие люди попробуют на вас силу своей умственной энергии?

– Они постоянно только этим и занимаются, – с кривой усмешкой ответил Уильямс. – Мне говорили, что очень многие ночи напролет молят бога о том, чтобы я пригласил их на свой рождественский прием.

– Могу себе представить, – согласился я. – Насколько я слышал, это один из лучших приемов в Саванне.

– Я приглашу вас на следующий, и вы сами сможете судить о нем. – Уильямс вперил в меня свой непроницаемый взор. – Кстати, вы знаете, что я даю два приема на Рождество? На эти вечера мужчины приглашаются во фраках, а дамы в вечерних туалетах. На первом собираются сливки городского общества, и в газетах наутро можно прочесть подробнейший отчет о вечере. Но на следующий день я даю прием, на который приглашаются только джентльмены – вот об этом вечере вы не прочтете ни одного слова в газетах. На какой прием вы хотели бы быть приглашенным?

– На тот, – ответил я, – где обходится без стрельбы.

Глава II

Пункт назначения неизвестен

Было бы некоторым преувеличением сказать, что я покинул Нью-Йорк и отправился в Саванну только потому, что съел в ресторане порцию тушеной телятины в винном соусе, завернутую в подсушенную ботву редьки. Однако связь между этими событиями несомненна.

Я прожил в Нью-Йорке двадцать лет, зарабатывая на жизнь журнальными статьями – писал сам и редактировал чужие творения. Томас Карлейль как-то заметил, что журнальный писака не стоит и дворника, но в Нью-Йорке середины двадцатого века журналисты почитались вполне уважаемыми людьми. Итак, я писал статьи в «Эсквайр» и работал редактором в «Нью-Йорке», когда в начале восьмидесятых годов в нашем городе разразилась эпидемия обжорства – новое поветрие называлось *nouvelle cuisine*³. Каждую неделю то тут, то там, под гром литавр и пение фанфар, открывались два или три новых элегантных ресторана. Декор – лохотный постмодерн, еда – превосходна, цены – запредельные. Обед в ресторане стал модным времяпрепровождением, заменив собой дискотеки, театры и концерты. Темой светских бесед являлось обсуждение последних кулинарно-ресторанных новостей. Однажды вечером, сидя в одном из таких заведений и слушая, как официант вдохновенно читает мне поэму о достоинствах ресторана, я просматривал цены в меню – 19, 29, 39, 49 долларов – и мне показалось, что где-то я уже видел колонку точно таких же цифр. Но где именно? И вдруг меня осенило. Просматривая газетные объявления, я утром того же дня видел рекламу сверхдешевых билетов на авиарейсы во все концы Америки. Я сразу вспомнил, что цена билета в Луисвилл и шесть других равноудаленных от Нью-Йорка городов равнялась стоимости вышеупомянутой телятины с редькой. Денег, уплаченных за ужин, включая выпивку, десерт, кофе и чаевые, вполне хватило бы на то, чтобы провести уик-энд в другом городе.

Неделю спустя я пожертвовал телятиной и слетал на выходные в Новый Орлеан.

После этого каждые пять или шесть недель, пользуясь невероятной дешевизной, я летал в другие города в маленькой, но теплой компании нескольких друзей, которые тоже были рады сменить обстановку. Во время одной из таких увеселительных прогулок нас занесло в Чарлстон, в Южную Каролину. Мы носились по окрестностям городка во взятой напрокат машине, положив на переднее сиденье карту. В самом ее низу, в сотне миль к югу от Чарлстона, я и узрел название Саванна.

Я никогда не бывал в этом городе, но представлял его себе в виде живой и яркой картины. Правда, если точнее, то этих картин было несколько. Самая запоминающаяся, появившаяся еще в детстве, связана с «Островом сокровищ», который я прочитал в возрасте десяти лет. В этой книге написано, что именно в Саванне капитан Джон Флинт, кровавый пират с синим лицом, умирает от рома до начала истории. Там, в этом городке, лежа на смертном одре, Флинт отдает свой последний приказ: «Грузи ром на корму, Дарби!» и вручает Билли Бонсу карту Острова сокровищ. «Он дал мне ее в Саванне, – говорит Бонс, – когда лежал при смерти». В книге была и сама карта, на которой крестиком помечено место, где старый пират спрятал свои сокровища. Читая книгу, я много раз рассматривал карту, и каждый раз она напоминала мне о Саванне, потому что внизу карты была собственноручная надпись Билли Бонса: «Отдана вышеупомянутым Дж. Ф. господину У. Бонсу. Саванна, июля двадцатого числа, 1754 год». В следующий раз я встретился с Саванной в романе «Унесенные ветром», где этот город описывается сто лет спустя. В 1860 году Саванна уже не была тем пиратским гнездом, которое я столь живо себе представлял. Говоря словами Маргарет Митчелл, «то был город у моря, полный

³ Новая кухня (фр.).

благородных традиций». Так же как и в «Острове сокровищ», в «Унесенных ветром» непосредственно в Саванне описываемые события не происходили. Город стоял на берегу моря – полный достоинства, спокойствия и чистоты, – свысока глядя на Атланту, двадцатилетнего сопляка – пограничный городок в трехстах милях от побережья. С точки зрения жителя Атланты, а в особенности юной Скарлетт О’Хара, Саванна и Чарлстон «были престарелыми бабушками, мирно греющимися на солнышке».

Третье впечатление о Саванне стало, пожалуй, самым причудливым. Однажды я купил старинный деревянный комод, который поставил в изножье кровати. Изнутри он был застлан пожелтевшей газетой, которую я сохранил. Газета называлась «Саванна морнинг ньюс» и была датирована вторым апреля 1914 года. Каждый раз, открывая крышку комода, я натыкался на следующую короткую заметку:

ЖЮРИ ПОСТАНОВИЛО, ЧТО ТАНГО НЕ ЕСТЬ ПРИЗНАК БЕЗУМИЯ.

РЕШЕНО СЧИТАТЬ, ЧТО СЭДИ ДЖЕФФЕРСОН НАХОДИТСЯ В ЗДРАВОМ УМЕ.

Исполнение танго не указывает на умопомешательство. Это было установлено вчера в ходе заседания комиссии, которая решала вопрос о вменяемости Сэди Джефферсон и признала ее здоровой. Было решено, что женщина, арестованная недавно в Саванне, имела полное право танцевать танго по дороге в полицейский участок, и это является вполне допустимым.

Вся история умещалась в вышеприведенных строчках. В заметке не говорилось ни слова о том, кто такая Сэди Джефферсон, равно как и о том, за что ее арестовали. Мне представлялось, что она несколько перебрала рома, который остался на ее долю после смерти Флинта. Как бы то ни было, Сэди Джефферсон казалась мне персонажем того же сорта, что и героиня довольно известной песни «Жестокосердная Ханна, вампир Саванны». Эти две женщины добавили немного экзотики к тому образу Саванны, который сформировался в моем сознании.

В середине семидесятых умер Джон Мерсер, и в некрологе я прочел, что он родился и провел детство в Саванне. Мерсер был лирическим поэтом, к тому же написавшим музыку к десяткам своих песен, полных нежного, сладкого лиризма и знакомых мне с детства: «Примечай лучшее», «Ночной блюз», «Песенка для моего сына», «Добрая, хорошая», «Нашествие дураков», «Старая черная магия», «Мечта», «Лаура», «Тряпичная кукла», «Вечерняя прохлада» и «Об Атчисоне, Топике и Санта-Фе».

Если верить некрологу, Мерсер никогда не порывал связей с родным городом. Саванна, говорил он, «чудесное, прекрасное место, рай для мальчишек». Даже уехав из Саванны, он сохранил за собой дом на окраине города, чтобы приезжать на родину в любое время. Заднее крыльцо дома выходило на маленькую речушку, которая во время приливов затапливала окрестные болота. В честь знаменитого земляка саваннцы переименовали этот ручей в Лунную реку, по названию одной из четырех песен, завоевавших приз Академии искусств.

Таково было мое представление о Саванне: хлещущие ром пираты, сильные духом женщины, куртуазные манеры, эксцентричность поведения, нежные слова и прекрасная музыка. К этому следовало бы присовокупить и красивое, необычное название: Саванна.

Итак, в одно прекрасное воскресенье мои попутчики вернулись в Нью-Йорк, а я остался в Чарлстоне, решив проехаться на следующий день в Саванну, а потом первым же самолетом вылететь домой.

Прямое сообщение между Саванной и Чарлстоном отсутствовало – таково было мое первое открытие. Пришлось добираться кружным путем по затопленным приливом низинам Южной Каролины. По мере приближения к Саванне шоссе сузилось до двух полос – представьте себе высоко приподнятую над землей черную ленту в тени растущих по обочинам высоких деревьев. Изредка по дороге попадались рекламные щиты да утонувшие в листве коттеджи, но не было видно ничего, хотя бы отдаленно напоминающего урбанистический пейзаж. Милый радиоголос оповестил меня о том, что я въезжаю на территорию Прибрежной Импе-

рии. «Прогноз погоды для Прибрежной Империи, – слышалось из динамика моего автомобильного приемника, – на возвышенных местах около семидесяти пяти градусов⁴, небольшое волнение на море, на внутренних водоемах – рябь».

Внезапно деревья кончились, и моим глазам открылась панорама болотистой равнины, покрытой травой цвета спелой пшеницы. Впереди возвышался мост, с которого был виден ряд старинных домов из красного кирпича, стоявших на узкой площадке на противоположной стороне реки Саванны. За этим рядом простиралось сплошное зеленое море, оживлявшееся, словно островками, шпилями, карнизами, черепичными крышами и куполами. Спустившись с моста, я оказался в роскошном зеленом саду.

С обеих сторон дороги высились стены пышной растительности; кроны смыкались над головой, рассеивая свет и создавая приятную тень. Здесь только что прошел дождь, воздух был напоен зноем и влагой. Мне показалось, что я очутился в субтропическом заповеднике, отделенном от остального мира тысячами миль.

Вдоль улицы с обеих сторон стояли оштукатуренные кирпичные дома, красивые старинные здания с высокими террасами и закрытыми жалюзи окнами. Я въехал на площадь, обрамленную цветущим кустарником, со статуей в центре. Через несколько кварталов мне встретилась еще одна площадь. Потом показалась третья, а оглянувшись, я заметил сзади четвертую. Справа и слева имелось еще две площади – они были во всех направлениях. Сначала я насчитал восемь, потом десять, двенадцать, четырнадцать... Или все-таки двенадцать?

– В нашем городе ровно двадцать одна площадь, – сообщила мне позже пожилая женщина по имени Мэри Харти. С ней меня свели знакомые в Чарлстоне, она ждала меня. У Мэри были абсолютно седые волосы и высоко приподнятые брови, что придавало ее лицу выражение постоянного удивления. Свои слова она произнесла, стоя на кухне и смешивая мартини в серебряном шейкере. Закончив, она положила шейкер в плетеную корзинку. Добрая женщина вознамерилась повести меня на экскурсию, как она выразилась. Слишком хороший день, чтобы оставаться в четырех стенах, да и не так уж много времени я собирался провести в Саванне.

Мисс Харти была твердо убеждена, что площади – подлинные жемчужины Саванны. Ни в одном другом городе нет ничего даже отдаленно похожего на эти площади. На Булл-стрит пять площадей, на Барнард-стрит тоже, четыре на Аберкорн и так далее. Человеком, которого Саванне следует благодарить за такое фантастическое количество площадей, является основатель Джорджии Джеймс Оглторп. Он решил, что Саванна будет изначально заложена с площадями и ее планировка станет напоминать планировку римского военного лагеря. Оглторп задумал это еще до того, как приплыл из Англии в Америку в феврале 1733 года; решение созрело до того, как он определил, где именно будет основан город. Оглторп заложил город на вершине сорокафутового холма на южном берегу реки Саванны в восемнадцати милях от Атлантического побережья. План был заготовлен заранее. Улицы образовывали правильную решетку, пересекаясь под прямыми углами. Как и в римском лагере, площади должны были располагаться через равные интервалы. По замыслу автора, город должен был стать гигантским садом. Оглторп лично заложил четыре площади.

– Больше всего мне нравится в площадях то, – сказала мисс Харти, – что машины не могут проезжать через их середину, а вынуждены объезжать их по краю, поэтому движение здесь очень медленное. Площади – это оазисы нашего спокойствия.

Она говорила, а я узнавал в ее интонациях прибрежный акцент, с таким блеском описанный в «Унесенных ветром» – мягкий и немного смазанный, тянущий гласные и внимательный по отношению к согласным.

– Но в действительности, – говорила меж тем мисс Харти, – вся Саванна – один большой оазис. Мы находимся в изоляции, и это очень славная изоляция! Мы – маленький анклав на

⁴ По Фаренгейту. 24 °С.

побережье – предоставлены самим себе, окруженные на много миль только болотами и сосновыми лесами. До нас не так-то легко добраться, как вы уже, должно быть, заметили. Если вы летите самолетом, то делаете по меньшей мере одну пересадку. С поездами дела обстоят не намного лучше. В середине пятидесятих годов была написана книга, где все это очень здорово подмечено. Книга называлась «Взгляд из Помпейз-Хед», и написал ее, кажется, Гамильтон Бассо. Вы, случайно, ее не читали? История начинается с того, как некий молодой человек покупает железнодорожный билет из Нью-Йорка до Помпейз-Хед и, чтобы не пропустить станцию, вынужден встать в безбожную рань – в пять часов утра. Так вот, под Помпейз-Хед подразумевается Саванна, и я не собираюсь это отрицать. До нас ужасно неудобно добираться! – Мисс Харти рассмеялась – ее смех был легким, как звон бубенчика. – Раньше один поезд ходил отсюда в Атланту. Он назывался «Нэнси Хэнкс», но двадцать лет назад он перестал ездить, и мы не особо расстроились.

– Вы не чувствуете себя отрезанными? – спросил я.

– Отрезанными от чего? – ответила она вопросом на вопрос. – Нет, нисколько, больше того, я могу сказать, что мы просто наслаждаемся своей изоляцией. Не знаю, право, хорошо это или плохо. Промышленники говорят, что они очень любят испытывать качество своей продукции – зубные пасты, стиральные порошки и все подобное в Саванне, потому что Саванна очень трудно поддается влиянию извне. Но это совсем не значит, что на нас не пытались воздействовать! Боже мой, такие любители находились раньше и находятся сейчас, недостатка в них не было никогда! Люди приезжают сюда со всех концов света и сразу влюбляются в наш город. Они переезжают к нам и очень скоро начинают говорить, каким преуспевающим городом могла бы быть Саванна, если бы мы только знали, что имеем, и умело этим воспользовались. Я называю этих людей мешочниками от Гуччи. И знаете, порой они проявляют большую настойчивость и даже грубость. Мы в ответ приветливо улыбаемся, вежливо киваем, но не сдаем своих позиций ни на один дюйм! Города, расположенные вокруг, пережили настоящий урбанистический бум и стали большими центрами: Чарлстон, Атланта, Джексонвилл... но только не Саванна. Помнится, в пятидесятые годы у нас пыталась основать свою штаб-квартиру компания «Разумное страхование». Это создало бы здесь тысячи рабочих мест и сделало Саванну центром великолепной, прибыльной и экологически чистой индустрии. Но мы сказали им: «Нет». Слишком уж велика была бы ноша. Вместо Саванны они расположили свое руководство в Джексонвилле. В семидесятые годы Джан Карло Менотти решил сделать Саванну постоянной столицей своего всеамериканского фестиваля «Сполето», и снова мы не проявили к новому делу никакого интереса. Лакомый кусочек достался Чарлстону. Знаете, дело здесь не в том, что мы обожаем создавать трудности кому бы то ни было, нет, просто нам нравится, когда все идет так, как оно шло в течение десятилетий. Мы не любим перемен, а хотим оставаться такими, какие мы есть!

Мисс Харти открыла буфет и достала оттуда два серебряных бокала, завернула их по отдельности в льняные салфетки и положила в корзинку вместе с мартини.

– Возможно, мы не слишком приветливы, – продолжала говорить мисс Харти, – но нас нельзя упрекнуть во враждебности. В действительности мы сказочно гостеприимны, даже по южным меркам. Саванну называют «хозяйкой Юга», да будет вам это известно. Мы всегда слыли городом вечеринок и приемов и очень любим компании, как, впрочем, любили всегда. Думаю, что все это оттого, что мы портовый город и привыкли оказывать гостеприимство людям со всего света. Жизнь в Саванне всегда была легче жизни на плантациях, вдали от моря; мы превратились в город богатых торговцев хлопком, которые жили в удаленных друг от друга элегантных особняках, и поэтому вечера стали неперменной формой общения в Саванне, что и определило неповторимый облик города. Мы не похожи на всю остальную Джорджию. Знаете, у нас говорят: когда человек приезжает в Атланту, его первым делом спрашивают: чем ты занимаешься? В Мейконе вас спросят: в какую церковь вы ходите? В Огасте поинтересуются

девичьей фамилией вашей бабушки, но у нас в Саванне вас первым делом спросят: что вы хотите выпить?

Она похлопала рукой по корзинке с мартини, и мне послышалось эхо последнего приказа капитана Флинта.

– Саванна всегда была «мокрой», даже тогда, когда во всей Джорджии свято соблюдали сухой закон. В те времена на заправочных станциях из бензиновых шлангов желающим наливали виски! О, в Саванне всегда можно было достать спиртное! Впрочем, из этого никто и не делал тайны. Я помню, хотя была тогда ребенком, как на Саванну совершил крестовый поход преподобный Билли Сандей со своими проповедями – решил возродить добродетель в Саванне. Он расположился в Форсайт-парке, куда каждый мог прийти и послушать его. Какое возбуждение царило тогда в городе! Мистер Сандей поднимался на возвышение и громким голосом объявлял, что Саванна – *самый испорченный и грешный город на Земле*. По всеобщему мнению горожан, это было просто замечательно!

С такими словами пожилая леди вручила мне корзинку и повела на улицу к моей машине. Поставив корзинку на переднее сиденье между нами, мисс Харти показывала мне, куда ехать.

– Я хочу, чтобы первым делом мы нанесли визит мертвым, – сказала она.

Мы как раз свернули на Виктори-драйв, длинный бульвар, полностью скрытый под кронами дубов, поросших густым испанским мхом. Среднюю линию на дороге обрамляла двухрядная колоннада пальм, словно архитектурная поддержка свода из листвы дубов и мха.

Я искоса посмотрел на мисс Харти, решив, что ослышался.

– Наши мертвые почти всегда с нами, – проговорила она. – Куда ни кинешь взгляд, везде найдешь напоминание о людях, которые жили здесь раньше. Мы очень хорошо знаем наше прошлое. Вот, например, эти пальмы. Они посажены в память о солдатах из Джорджии, которые погибли во время Первой мировой войны.

Проехав три или четыре мили, мы свернули с Виктори-драйв на извилистую дорогу, которая привела нас к воротам кладбища Бонавентура. Перед нами открылся вид на первозданный дубовый лес. Остановив машину прямо в воротах кладбища, мы продолжили наш путь пешком и сразу вышли к большому беломраморному мавзолею.

– Если вы вдруг умрете, приехав в Саванну, – произнесла мисс Харти с лучезарной улыбкой, – то вас похоронят здесь. Это наша Могила приезжих. Ее основали здесь в честь одного человека, которого звали Уильям Гастон. Этот гостеприимный хозяин и устроитель самых блестящих вечеров в Саванне умер еще в девятнадцатом веке. Могила – памятник его гостеприимству. Внутри есть свободный склеп, и туда помещают останки тех, кто умер во время визита в Саванну. Эти люди покоятся на самом красивом кладбище и вкушают здесь мир до тех пор, пока их родственники не перевезут их прах к месту постоянного захоронения.

Я выразил искреннюю надежду, что мне не придется до такой степени испытывать на прочность саваннское гостеприимство, и мы двинулись дальше по аллее, обсаженной величественными дубами. По обе ее стороны в изобилии теснились покрытые мхом статуи, напоминающие руины заброшенного храма.

– В колониальные времена здесь простиралась обширная плантация, – продолжала свой рассказ мисс Харти. – В центре ее стоял большой дом, выстроенный из камня, привезенного из Англии. На крутом берегу реки террасами росли сады. Имение было построено полковником Джоном Малрайном. Когда дочь Малрайна вышла замуж за Джозайю Татнелла, отец невесты решил увековечить этот счастливый союз аллеями, которые в плане выглядели, как две переплетенные буквы: М и Т. Мне говорили, что большинство тех деревьев еще живы, и если знать, в чем дело, то монограмму можно увидеть до сих пор.

Мисс Харти остановилась, когда мы проходили мимо невысокого, поросшего диким виноградом холма.

– Это все, что осталось от плантаторского дома, – часть фундамента. Дом сгорел в самом конце восемнадцатого века. То был впечатляющий пожар. В разгаре званого ужина в обеденный зал вошел дворецкий и доложил, что дом горит, огонь охватил крышу и уже ничего нельзя сделать. Хозяин дома спокойно встал, постучал ножом о стенку бокала, требуя тишины, и предложил гостям взять с собой тарелки и выйти в сад. Лакеи вынесли стулья и стол, и обед продолжался, освещенный бушующим пламенем. Хозяин вел себя поистине героически. Он все время развлекал гостей забавными историями, пока огонь пожирал его жилище. Гости в ответ поднимали бокалы за хозяина, его дом и великолепную кухню. Когда все тосты были произнесены, джентльмен разбил свой хрустальный бокал о ствол старого дуба. Его примеру последовали и гости. Говорят, что если тихой ночью прислушаться, то здесь можно услышать мелодичный звон бокалов и веселый смех. Мне нравится думать о том, что это место – место Вечного Празднества. Нет лучшего места в Саванне для вечного упокоения – вечный сон в сопровождении непрекращающегося бала.

Мы пошли дальше и через несколько минут оказались возле маленького семейного склепа в тени большого дуба. В небольшом гроте располагались пять могил и две маленькие финиковые пальмы. Одна из могил была покрыта длинной, в рост человека, мраморной плитой, засыпанной листьями и песком. Мэри Харти смела мусор, и я увидел надпись: ДЖОН ХЕРНДОН МЕРСЕР (ДЖОННИ).

– Вы его знали? – спросил я.

– Мы все его знали, – ответила она, – и любили. В каждой песне Джонни мы узнавали какую-то частицу его души. В его песнях плавность и свежесть, и таким был он сам. Создавалось впечатление, что он никогда не покидал Саванну.

Мисс Харти смела с плиты оставшиеся листья, и взору открылась эпитафия: «И ВОСПОЮТ АНГЕЛЫ».

– Для меня, – продолжала мисс Харти, – Джонни был в буквальном смысле этого слова соседским мальчиком. Я жила в доме двести двадцать два по Ист-Гвиннет-стрит, а он в доме двести двадцать шесть. Прадед Джонни построил большой особняк на площади Монтерей, но Джонни там никогда не жил. Человек, который занимает его сейчас, превосходно отреставрировал здание и превратил его в некий экспонат, выставленный напоказ. Этого человека зовут Джим Уильямс. Мои друзья просто без ума от него. Я – нет.

Мисс Харти расправила плечи и не сказала больше ни слова ни о Джиме Уильямсе, ни о Мерсер-Хаузе. Мы пошли дальше, и вскоре в просвете деревьев показалась река.

– А сейчас я вам покажу еще кое-что, – пообещала мисс Харти.

Мы вышли на невысокий крутой обрыв, с которого открывался вид на широкую, величаво текущую реку. Без сомнения, это было лучшее место для вечного сна. Все вокруг дышало спокойствием. Мэри Харти ввела меня в ограду, окружавшую могилу и каменную скамью. Мисс Харти села на нее и жестом предложила мне разместиться рядом.

– Вот теперь нам пора доставать мартини. – Она открыла корзинку и разлила напиток по серебряным бокалам. – Если вы присмотритесь к плите, то увидите, что она несколько необычна.

Я присмотрелся. Могила оказалась двойной. На камне были начертаны имена доктора Уильяма Ф. Эйкена и его жены Анны.

– Это родители Конрада Эйкена, поэта. Обратите внимание на дату.

Доктор Эйкен и его жена умерли в один день – 27 февраля 1901 года.

– Вот как это произошло, – рассказала мисс Харти. – Эйкены жили на Оглторп-авеню в большом каменном доме. На первом этаже находился кабинет доктора, а семья размещалась на остальных двух этажах. Конраду было в то время одиннадцать лет. Он проснулся от громких голосов – в своей спальне ссорились родители. Потом он услышал, как отец считает: «Один, два, три». Раздался сдавленный вскрик, за которым последовал выстрел. Потом отец снова

досчитал до трех и выстрелил еще раз. На этот раз послышался глухой звук падения. Конрад босиком добежал до полицейского участка, находившегося напротив их дома, и сказал полицейским: «Папа только что убил маму и застрелился сам». Он привел полицейских в спальню на третьем этаже. – Мисс Харти подняла бокал, словно салютуя чете Эйкенов, потом вылила несколько капель мартини на землю. – Хотите верьте, хотите нет, но одной из причин убийства стали вечеринки. Конрад Эйкен упоминает об этом в одном из своих немногочисленных рассказов – в «Странном лунном свете». В этом рассказе отец упрекает жену в том, что она совершенно забросила семью. Он говорит: «Каждую неделю по два вечера, а иногда три или даже четыре, это уже слишком». Произведение, конечно, автобиографическое. Семья жила тогда явно не по средствам. Анна Эйкен ходила на вечера практически через день, а шесть раз в месяц устраивала их сама. Это было незадолго до того, как муж убил ее.

После трагедии мальчика забрала к себе родня, жившая где-то на севере. Конрад поступил в Гарвардский университет и сделал блестящую карьеру. Он получил Пулитцеровскую премию и был назначен на должность заведующего отделом поэзии в библиотеке Конгресса. После ухода на пенсию он вернулся в Саванну. Он всегда знал, что вернется. Он даже написал роман «Большой круг», там говорится о том, что человек всегда заканчивает свой путь там, где он его начал, возвращаясь к истокам. Так получилось и у самого Эйкена. Он прожил в Саванне первые и последние одиннадцать лет своей жизни. В последние одиннадцать лет он жил в доме, расположенном по соседству с тем, где прошли его детские годы. От детской трагедии его отделяла лишь кирпичная стена.

Можете себе представить, как была польщена поэтическая общественность Саванны, когда узнала о приезде великого поэта. Но Эйкен остался верен себе, отклоняя почти все приглашения. Он говорил, что ему нужно уединение для работы. Однако они с женой довольно часто приходили сюда и проводили на могиле около часа. Они приносили с собой мартини и серебряные бокалы, беседовали с ушедшими родителями и совершали жертвенные возлияния.

Мисс Харти подняла бокал и чокнулась со мной. Где-то в кронах деревьев перекликались пересмешники. Мимо нас медленно проследовал небольшой катер.

– Эйкен любил приходить сюда и смотреть на проплывающие корабли, – сказала мисс Харти. – Однажды он увидел судно под названием «Космический бродяга». Название просто восхитило его. Вы же знаете, что он часто писал о космосе в своих стихах. В тот вечер он прочел в газете о виденном им судне. Его название было напечатано мелким шрифтом в списке других судов, прибывших в порт. «Космический бродяга», пункт назначения неизвестен». Это добавление привело Эйкена в восторг.

– А где он похоронен? – спросил я.

В ограде была только одна могила.

– О, он здесь, – ответила мисс Харти. – На самом деле мы сейчас его самые дорогие гости. Последней волей Эйкена было, чтобы люди приходили сюда, пили мартини и смотрели на проплывающие мимо по реке корабли, как это делал он сам. Он оставил очень милое приглашение. Его надгробие выполнено в виде скамьи.

Неведомая сила против моей воли сорвала меня с места – я резво вскочил на ноги. Мисс Харти рассмеялась и тоже встала. На скамье было начертано имя Эйкена и надгробная эпитафия:

КОСМИЧЕСКИЙ БРОДЯГА,
ПУНКТ НАЗНАЧЕНИЯ НЕИЗВЕСТЕН.

Я был очарован Саванной. На следующее утро, рассчитываясь за пребывание в отеле, я спросил у портье, как можно забронировать за собой номер на месяц: не сейчас, но, возможно, очень скоро.

– Наберите по телефону «bedroom»⁵, – ответил портье. – В-Е-D-R-O-O-M. Это номер справочной службы по гостиницам. Они вас зарегистрируют.

Мне показалось, что в Саванне я столкнулся с последними пережитками старого Юга. В некоторых отношениях Саванна была так же далека от моего привычного мира, как остров Питкерн, скалистый клочок суши, на котором в полной изоляции жили, скрещаясь между собой, потомки команды корабля его величества «Баунти», потерпевшего бедствие в восемнадцатом веке. Приблизительно такой же отрезок времени семь поколений саваннцев прожили в такой же изоляции в тиши и уединении своего городка на побережье Джорджии.

– Мы все двоюродные братья и сестры, – сказала мне по этому поводу Мэри Харти. – Здесь все очень просто – все приходится друг другу родственниками.

Идея приняла в моей голове форму некоей разновидности воскресных путешествий в разные города. Я сделаю Саванну своим вторым домом. Я буду время от времени проводить здесь по месяцу – этого достаточно, чтобы перестать чувствовать себя заезжим туристом, а быть почти полноправным жителем. Я буду разузнавать, наводить справки, наблюдать, совать свой нос во все, куда приведет меня мое любопытство и куда меня пригласят. Я не буду поддаваться предубеждениям, а стану бесстрастным хронографом.

В течение восьми лет я придерживался этого плана, правда, периоды моего пребывания в Саванне становились все длиннее, а пребывания в Нью-Йорке – все короче. Я оказался вовлеченным в события, населенные необычными персонажами и оживленные странными происшествиями, вплоть до убийства. Но сначала главное – я подошел к телефону и набрал «bedroom».

⁵ Спальня (англ.).

Глава III

Сентиментальный джентльмен

Голос, ответивший из «спальни», указал мне дорогу в мое новое жилище в Саванне – второй этаж каретного сарая на Ист-Чарлтон-лейн. В моем распоряжении оказались две крохотные комнатки с видом на сад и двор жилого дома. Весь сад состоял из ароматных магнолий и маленького бананового куста.

Среди прочей обстановки в квартирке оказался старый капитанский глобус на подставке. В первый же вечер на новом месте я ткнул пальцем в Саванну – тридцать второй градус северной широты – и крутанул глобус. Под моим пальцем промелькнули Марракеш, Тель-Авив и Нанкин. Саванна располагалась на крайнем западе Восточного побережья, точно к югу от Кливленда. Саванна находится на девять градусов южнее Нью-Йорка, следовательно, луна видна отсюда под другим углом, решил я. Полумесяц будет слегка повернут по часовой стрелке, а это значит, что наш спутник станет напоминать больше букву U, нежели C, которую я только вчера видел в Нью-Йорке. Однако, может быть, я ошибаюсь? Я выглянул в окно, но луна как раз в это мгновение скрылась за облаком.

Я все еще занимался установлением своего точного местоположения во Вселенной, когда понял, что все время слышу какие-то звуки. Я напряг слух. Из-за ограды сада доносились веселые голоса, смех и звуки пианино. Под эту музыку приятный баритон пел «Сладкую загорелую Джорджию». Следующая песня была «Как это вышло, что мне нравится то, что ты творишь?». В квартале от моего пристанища вовсю шла веселая вечеринка, и я счел это добрым предзнаменованием. Музыка создавала приятный звуковой фон, может быть, несколько резковатый, и пианист был очень хорош. И неутомим. Последней песней, которую я слышал, засыпая, была «Лентия». Вероятно, ее написал Джонни Мерсер.

Как только занялся рассвет, музыка зазвучала с новой силой. Первой утренней мелодией стала, если я правильно угадал, «Пиано-блюз», за которым последовали «Дарктаунские забияки». Музыка звенела, то возникая, то затихая на короткое время, весь день до позднего вечера. То же самое повторилось на следующий день и через день. Звуки пианино стали частью местной атмосферы, точно так же, как и нескончаемая вечеринка, если, конечно, это можно назвать вечеринкой.

Через пару дней я нашел место, откуда доносилась музыка, – Ист-Джонс-стрит, 16. То было желтое оштукатуренное здание, как две капли воды похожее на другие дома квартала. От них оно отличалось только нескончаемым потоком посетителей, которые группами и поодиночке валом валили туда и днем и ночью. Нельзя было определить, кто именно преобладал в этом потоке – там можно было встретить и молодых, и старых, и белых, и черных. Я заметил, что никто из них не нажимал звонок – люди просто толкали дверь и входили в дом. Незапертая дверь – необычно... даже для Саванны. Я решил, что со временем эта странность объяснится сама собой, а пока надо поближе ознакомиться с моим новым окружением.

Утопавшая в садах часть города с расположенными в строгом геометрическом порядке площадями кольцом охватывала историческое его ядро. Этот участок площадью в три квадратных мили был застроен еще до Гражданской войны. Позже, когда Саванна стала разрастаться к югу, отцы города махнули рукой на строительство новых площадей. Южнее исторического центра располагалась череда пышных викторианских зданий. После них начинался Ардсли-парк – анклав домов, выстроенных в начале двадцатого века и отличавшихся горделивыми фасадами, коринфскими колоннами, фронтонами, портиками и террасами. К югу от Ардсли-парка начинались дома поменьше. Там можно было увидеть бунгало, сооруженные в тридцатые и сороковые годы, ранчо – наследие пятидесятых и шестидесятых, и почти сельские районы южной части, которые невозможно было бы отличить от любого другого американского

города, если бы не попадавшиеся кое-где напоминания о временах Дикси⁶ – такие, как магазин «Двенадцать дубов» или кинотеатр «Тара».

Кое-что мне любезно разъяснила предупредительная женщина – библиотекарь Общества истории Джорджии. Оказалось, что в городе никогда не жила жестокосердная Ханна – такой дамы просто не существовало в природе. По-видимому, ее придумал какой-нибудь поэт-песенник, которому надо было что-то подобрать для рифмы. Библиотекарь со вздохом добавила, что неплохо было бы вообще переселить эту Ханну в Монтану, а у Саванны есть своя история и ей незачем гнаться за фальшивыми почестями. Знаю ли я, например, что Эли Уитни изобрел хлопкоочистительную машину на плантации Малберри в Саванне? Знаю ли я, что герлскаутское движение Америки было основано Джульеттой Гордон Лоу в каретном сарае на Дрэйтон-стрит?

Вслед за этим библиотекарь вдохновенно перечислила мне список великих исторических событий, которые действительно имели место в Саванне: первая воскресная школа Америки была основана в Саванне в 1736 году; первый сиротский приют – в 1740-м; первая конгрегация чернокожих баптистов – в 1788-м; первая школа гольфа – в 1796 году. Джон Уэсли, основатель методизма, был в 1736 году священником церкви Иисуса Христа в Саванне. Именно во время его священства написана книга гимнов, которые с тех пор поют в англиканских церквях. Один саваннский торговец финансировал строительство и первое плавание через Атлантику первого океанского парохода «Саванна». Это плавание из Саванны в Ливерпуль состоялось в 1819 году.

Такое внушительное перечисление достижений позволяло предположить, что сонный городишко со стопятидесяти тысячным населением когда-то играл на исторической арене гораздо более важную роль, чем теперь. Финансировать в 1819 году первое плавание парохода через Атлантику – это то же самое, что в наши дни финансировать запуск космического корабля «Шаттл». По случаю того памятного трансатлантического вояжа Саванну в те дни посетил президент Джеймс Монро, настолько важным явилось это событие.

Я рылся в книгах, газетах и картах, сидя в читальне Общества истории – просторном зале с высокими потолками и стеллажами вдоль стен. В помещении явственно витал призрак Гражданской войны, а роль, которую сыграла в ней Саванна, может многое рассказать о самом городе.

Когда раздалась первая залпа той войны, Саванна была ведущим хлопковым портом мира. Генерал Уильям Текумсе Шерман выбрал его конечной точкой своего триумфального марша к морю, поведя на город семьдесят тысяч солдат против десяти тысяч, защищавших Саванну. В отличие от своих коллег в Атланте и Чарлстоне, местные гражданские лидеры оказались практичными бизнесменами – их страстное стремление к отделению подверглось слишком сильному испытанию перспективой грядущих разрушений. Когда Шерман приблизился к городу, ему навстречу была послана делегация, предложившая без единого выстрела сдать город в обмен на обещание не сжигать его. Шерман принял условия сделки и послал президенту Линкольну знаменитую телеграмму: «ПОЗВОЛЬТЕ ПРЕПОДНЕСТИ ВАМ В КАЧЕСТВЕ РОЖДЕСТВЕНСКОГО ПОДАРКА ГОРОД САВАННУ ВМЕСТЕ СО СТА ПЯТЬЮДЕСЯТЬЮ ПУШКАМИ, ГОРОЙ АМУНИЦИИ И ДВАДЦАТЬЮ ПЯТЬЮ ТЫСЯЧАМИ ТЮКОВ ХЛОПКА». Шерман стоял в городе месяц, а потом двинулся в Южную Каролину, в Колумбию, и спалил ее дотла.

Из войны Саванна вышла обнищавшей, но за несколько лет сумела поправить свои дела, и вскоре это был опять процветающий город на побережье. Однако процветание оказалось временным, ибо та финансовая опора, на которой всегда зиждилось благосостояние города, постепенно подтачивалась. Рабочие с хлопковых плантаций уезжали на промышленно развитый Север; годы монокультурного выращивания хлопка истощили почву, и центр его произ-

⁶ Общее название южных штатов США.

водства переместился на Запад. К тому же во время финансовой паники 1892 года цена хлопка упала с одного доллара до девяти центов за фунт. К двадцатому году нашего столетия плантации вокруг Саванны окончательно захирели, добытые нашествием долгоносика. С того времени и начался упадок Саванны. Некогда пышные дома постепенно ветшали без ремонта, и леди Астор, бывшая в Саванне проездом в 1946 году, заметила, что город похож на «красавицу с вымазанным грязью лицом». Задетая за живое такой критикой, группа озабоченных местных патриотов принялась начиная с пятидесятых годов восстанавливать центр Саванны. Именно их усилиям город обязан сохранением своего исторического ядра.

Прежде чем покинуть гостеприимный читальный зал, я вздумал найти в адресной книге за 1914 год ту самую Сэди Джефферсон, которая танцевала танго по дороге в полицейский участок. Я ее не нашел, более того, в справочнике вообще не было ни одного Джефферсона. Библиотекарь посмотрела на старую газетную вырезку, которую я принес с собой, и сказала, что я, вероятно, посмотрел не в ту часть справочника.

– Из того, как написана заметка, можно предположить, что Сэди Джефферсон была черной, – наставительно произнесла она. – В тексте отсутствуют положенные по этикету «миссис» или «мисс». Такая уж была практика в те времена. К тому же черных помещали в отдельной части адресных книг, поэтому, наверное, вы не смогли найти Сэди Джефферсон.

В самом деле, я отыскал имя Сэди Джефферсон в той части справочника, которая была озаглавлена: «Цветные». Дама оказалась женой Джеймса Ю. Джефферсона, парикмахера, и умерла в семидесятых годах.

История черных в Саванне конечно же весьма и весьма отличается от истории белых. Рабство было запрещено в Джорджии в 1735 году (Оглторп называл его «ужасающим преступлением»), но в 1749 году, под давлением поселенцев, его вновь легализовали. Несмотря на долгую историю притеснений и угнетения черных, движение за гражданские права в шестидесятые годы в Саванне было практически не окрашено насилием. Лидеры движения ходили в закусочные, устраивая там ланчи, купались на пляжах и молились в церквях «только для белых», организовав, кроме того, пятнадцатимесячный бойкот сегрегированных магазинов. Напряжение росло, однако стремление к миру восторжествовало, благодаря не в последнюю очередь прогрессивно мыслящему мэру Малкольму Маклину и ненасильственной стратегии борьбы, принятой на вооружение местным лидером черного движения У. У. Лоу. В 1964 году Мартин Лютер Кинг объявил Саванну «самым десеграгрированным городом Юга». По статистике, в 1980 году половину населения города составляли белые, половину – черные.

В анналах Общества истории имелось достаточное количество доказательств того, что в эпоху своего расцвета Саванна была пристанищем космополитов, а ее граждане – весьма светскими людьми. Мэр Саванны Ричард Арнольд, человек, мило общавшийся с генералом Шерманом в городе и вне его стен во время Гражданской войны, был типичным представителем этой славной породы. Врач, ученый, эпикуреец, тонкий знаток дорогих вин и джентльмен до мозга костей, весьма щепетильно и серьезно относившийся к этому званию. В одном из писем он отмечал: «Вчера я очень мило провел время с distinguished Хауэллом Коббом на дружеском обеде. Мы сели за стол в три часа дня, а встали только в половине десятого». Более чем шестичасовой обед мэра Арнольда лишь добавил вес всему, что я слышал о повальном увлечении саваннцев обедами и зваными вечерами, и напомнил о веселых посиделках, которые круглые сутки, словно непрерывный киносеанс, шли в доме 16 на Ист-Джонс-стрит.

Мое не слишком систематическое наблюдение за этим домом было вознаграждено в один прекрасный день совершенно неожиданным образом. У тротуара, пронзительно взвизгнув тормозами, остановилась машина, за рулем которой сидела опрятно одетая пожилая леди. Седые волосы, уложенные в ровную прическу, сверкали на солнце, словно снежный наст. Дама не сделала даже попытки припарковать машину к бордюру, вместо этого она загнала ее на тротуар, как будто подвела лошадь к привязи. Женщина вышла из автомобиля и решительно направи-

лась к двери дома. Достав из сумочки молоток, она методично расколотила все окна, обрамлявшие дверь, невозмутимо сунула молоток обратно в сумочку и вернулась в машину. Люди, находившиеся в этот момент в доме, не обратили на происшествие ни малейшего внимания – пианино продолжало играть, смех не умолк ни на минуту. Стекла в окнах заменили только через несколько дней.

Как я и ожидал, все выяснилось довольно скоро. Как-то раз я поужинал довольно поздно и уже собирался лечь спать, как раздался стук дамских шпилек по ступенькам лестницы, ведущей к моему подъезду. Шаги стихли, и кто-то нерешительно постучал в дверь. Открыв ее, я увидел красивую женщину, освещенную лунным сиянием. Первое, что бросилось мне в глаза, – платиновое облако, окутывавшее ее голову. На женщине было надето розовое платье с глубоким вырезом, соблазнительно открывавшим полную налитую грудь. Женщина хихикнула.

– Вы что, не знаете? Они ушли и снова вырубили у Джо электричество.

– Кто это – они? – спросил я. – И кто такой Джо?

Женщина даже растерялась от такого вопиющего невежества.

– Как, вы не знаете Джо? Я-то думала, что его знают все. Между прочим, он ваш сосед. Я хочу сказать, почти сосед, Джо Одом. – Она махнула рукой в западном направлении. – Он живет в паре домов отсюда.

– Это не в том ли доме, где круглые сутки играют на пианино?

Мое невинное замечание вызвало у женщины взрыв неподдельного смеха.

– Угу. Вы попали в самую точку.

– И это Джо Одом играет на пианино?

– Это действительно он, – ответила женщина. – А я – Мэнди. Мэнди Николс. Я не хотела вас тревожить, но увидела, что у вас в окне горит свет, а у нас, как назло, кончился лед. Я очень надеялась, что у вас найдется немного льда.

Я пригласил ее войти. Проскользнув мимо, Мэнди обдала меня густым ароматом гардении. Теперь я узнал ее – она одна из многих посетительниц странного дома. Забыть такую даму или перепутать ее с кем-то решительно невозможно. Она обладала классической красотой, в ее нежном теле не было ни одного острого угла – сплошные округлости. Синие глаза обрамляла яркая косметика. Я достал из морозилки четыре контейнера со льдом, высыпал его в ведро и сообщил Мэнди, что всегда живо интересовался, кто живет в том доме.

– Официально там живет Джо, – сказала Мэнди, – но иногда трудно бывает определить, кто там живет, потому что некоторые гости проводят там ночь или неделю, а если нужно, то и несколько месяцев. Например, я живу в Уэйкроссе, но шесть раз в неделю приезжаю в Саванну петь в клубе. Если я сильно устаю и у меня нет сил возвращаться домой, то ночую у Джо.

Мэнди поведала мне, что когда-то училась в Университете Теннесси, но это так, чтобы повертеться среди умных людей. Рассказала она и о том, что ее недавно короновали в Лас-Вегасе как Мисс БКЖ.

– Мисс БКЖ?

– Это означает Мисс Большая Красивая Женщина, – растолковала мне Мэнди незнакомую аббревиатуру. – Прекрасный конкурс для крупных женщин. Дают приз – журнал и штуку материи – целых девять ярдов. Правда, я не собиралась выступать, это подруги послали за меня заявку.

Я протянул ей ведро со льдом.

– Эй, – вдруг опомнилась она, – а почему бы вам не присоединиться к нам и не выпить немного?

Я и без того был готов предложить ей то же самое, поэтому с готовностью согласился и последовал за Мэнди к подъездной дорожке. Женщина шла очень осторожно – мелкие камешки гравия, звонко щелкая, постоянно выскальзывали из-под ее высоких шпилек.

– И далеко ехать от Уэйкросса до Саванны? – спросил я.

– Полтора часа, – ответила Мэнди. – В один конец.

– Но это же так утомительно и скучно – ездить в такую даль изо дня в день, не правда ли?

– На самом деле не очень. За это время я успеваю справиться со своими ногтями.

– С ногтями?

– Да, а что в этом такого?

– Не знаю, просто для меня это сложно, – ответил я. – Вы ухаживаете за своими ногтями и одновременно ведете машину?

– Это очень легко, особенно когда привыкаешь, – проговорила Мэнди. – Я кручу руль коленями.

– Коленями?

– Угу. Вообще-то ногти я приберегаю напоследок, а для начала накладываю косметику и причесываюсь.

Я присмотрелся к блистательной палитре цветов на лице Мэнди. То были не просто губная помада и тушь для ресниц, нет, то была сложная композиция с использованием чистых и смешанных тонов и оттенков – розовых, голубых, коричневых. Все это великолепие, весь этот праздник цвета венчала взбитая копна платиновых волос.

– Обычно я делаю начес, – пояснила Мэнди, словно читая мои мысли.

– С такими занятиями во время поездок вы наверняка привлекаете к себе всеобщее внимание, – предположил я.

– Бывает иногда, – согласилась Мэнди. – Вот, например, вчера я остановилась у бензоколонки, а следом подъехал грузовик, который прилипал ко мне всю дорогу. Водитель выходит и говорит: «Мэм, я еду за вами уже сорок пять минут и все время наблюдаю. Сначала вы красились. Потом причесывались. Потом чистили ногти. Ну я и решил посмотреть на вас поближе». С этими словами он подмигнул мне и заметил, что я очень хорошенькая, но потом стал серьезным и одним духом выпалил: «Можно вас кое о чем спросить? Вы каждые две минуты смотрите куда-то вбок, вроде как на место рядом с собой, и каждый раз чему-то потешаетесь. Что там было?» – «Там стоит мой телевизор, – ответила я. – Мне не хочется пропускать мыльные оперы».

В это время мы свернули с дороги в сад Джо Одома. В окнах погруженного во мрак дома мерцали огоньки свечей. У забора стояли, склонившись к земле, двое мужчин. Один держал фонарь, а второй, в больших резиновых перчатках, опустившись на колени, колдовал возле электрического счетчика громадными пассатижами, явно стараясь соединить два кабеля.

– Осторожнее, Джо, – предостерег мужчина с фонарем.

Над кабелем взлетел сноп искр, и в соседнем доме на мгновение погас свет. Потом он вспыхнул снова, и в доме Джо тоже осветились все окна. Из здания раздались ликующие крики. Джо поднялся.

– Ну что ж, на этот раз меня, кажется, не стукнуло, – констатировал он, – подождем следующего.

Он молча поклонился в сторону соседнего дома.

Джо Одом оказался сидящим усадым блондином. На нем была надета легкая синяя рубашка с открытым воротом, индейские штаны и ковбойские сапожки – коричневые с белым. На вид Джо было не более тридцати пяти, и выглядел он на удивление безмятежным, особенно для человека, который только что с риском для жизни совершил акт высоковольтного электрического воровства.

– Лед доставлен, – доложила Мэнди.

– И ледяной человек, кажется, тоже. – Лицо Джо осветилось смущенной улыбкой. – Обычно я не слоняюсь в саду по ночам, – добавил он, – но, видите ли, тут у нас возникли кое-какие проблемы, и пришлось немного повозиться. – Он стянул с рук резиновые перчатки. – Можно считать, что в этом деле я стал хорошим спецом. А еще я умею включать воду и газ.

Запомните это – когда-нибудь вам может понадобиться моя помощь. Вот с телефоном дело обстоит хуже. Я могу подсоединить отрезанный телефон, но он после этого только принимает звонки. Позвонить самому по нему невозможно. Как я ни бился с ним, ничего не вышло.

Где-то под ступеньками щелкнул воздушный кондиционер.

– Какой приятный звук! – объявил Джо. – Почему бы нам теперь не пойти в дом и не выпить за это – за свет, посудомоечную машину, микроволновую печь, холодильник и за электрическую компанию города Саванны. Ну и за... – Он поднял воображаемый бокал и повел рукой в сторону соседнего дома. – За всех на свете.

Жилище Джо Одома было обставлено в такой манере, какой я не ожидал увидеть в столь ветхом доме. На первом этаже я заметил буфет старинной английской работы, на стенах висели писанные маслом портреты восемнадцатого века. Увидел я и антикварные канделябры. Украшал гостиную великолепный рояль «Стейнвей». Полы устилала пара-тройка восточных ковров. Установить точное их количество было невозможно, потому что во всех комнатах находились люди. Мне показалось, что это не званый вечер, а обыкновенная ночлежка.

– Я юрист, специалист по налогам, – говорил между тем Джо, – брокер по недвижимости и пианист. Когда-то работал в одной юридической конторе, но пару лет назад уволился и перенес сюда свой офис, чтобы сочетать бизнес и удовольствие в тех пропорциях, которые нравятся мне, а не хозяину. В то время от меня ушла третья жена. – Кивком головы Джо показал на молодого человека, прикорнувшего на кушетке в гостиной. – Это Клинт. Если вам понадобится съездить в Атланту, Клинт будет счастлив взять вас с собой. Он гоняет туда трейлеры и очень любит компанию. Однако должен вас предупредить, что он проделывает путь до Атланты меньше чем за три часа. Никто не отваживается с ним ездить больше одного раза.

На кухне сидела какая-то рыжая девица с конским хвостом и оживленно разговаривала по телефону. Джо сказал, что она – диск-жокей одной из Саваннских радиостанций. Потом добавил, что человек, с которым она встречается, недавно арестован за торговлю кокаином и за угрозы в адрес полиции. В столовой блондин в белой рубашке и белых брюках стриг какую-то даму.

– Это Джерри Спенс, – поведал мне Джо. – Он стрижет всех нас, а в настоящий момент стрижет Энн, мою первую и вторую жену. Мы с Энн были влюблены друг в друга еще в детстве. Первый раз мы поженились, когда я учился в юридическом колледже, а второй раз – в годовщину нашего первого развода. Вы уже, конечно, познакомились с Мэнди, так вот – она моя четвертая жена-в-ожидании.

– И чего же она ждет? – спросил я.

– Ждет окончательного прохождения всех формальностей с разводом, – ответил Джо. – Никто не может сказать, когда это произойдет, потому что ее адвокат – законченный лодырь и не в состоянии собрать все нужные бумаги. Но мне кажется, что нам грех на это жаловаться, потому что адвокат Мэнди – это я.

Центром общения в доме являлась кухня, окна которой выходили в сад. Там стояло пианино, и именно отсюда по всей округе разносились музыка, пение, веселые голоса и смех.

– Я заметил, что вы не запираете свою парадную дверь, – сказал я.

– Это верно, я ее не запираю, – подтвердил Джо. – Очень уж хлопотно каждый раз спускаться в прихожую и спрашивать, кто пришел. То было сущее наказание для моей третьей жены, – рассмеялся Одом.

– Для меня это тоже становится сущим наказанием, – капризно проговорила Мэнди. – Особенно с тех пор, как нас на прошлой неделе обворовали. Джо говорит, что ничего не было, но я знаю, что нас действительно обокрали. В четыре часа утра, когда мы оба уже спали, я проснулась от какого-то шума внизу и стала расталкивать Джо. «Джо, к нам забрался вор», – сказала я, но он и ухом не повел. «Это может быть кто угодно», – отмахнулся он от меня. Но я была уверена, что это воры. Внизу открывали шкафы, выдвигали ящики столов и вообще

творили бог знает что. Я снова разбудила его и попросила: «Джо, спустись вниз и посмотри, кто там». И что вы думаете – этот мистер Кул⁷ с трудом оторвал ухо от подушки и заорал на весь дом: «Энгус! Это ты, Энгус?!» Никто не отозвался, и вообще внизу наступила мертвая тишина. Тогда Джо сказал мне: «Ну что ж, если это вор, то его зовут не Энгус». С этими словами он опять уснул. Но это точно были воры, и счастье еще, что нас не убили.

В середине этой тирады Джо заиграл на пианино.

– Утром, – сообщил он, – мы подсчитали убытки – три бутылки виски и полдюжины стаканов. Для меня это не воровство, а вечеринка. Жаль только, что нас на нее не пригласили. Это единственное, что раздражает меня в этой истории. – Улыбка Джо ясно говорила, что вопрос закрыт, во всяком случае, для него. – Я ведь уже говорил, что стал оставлять дверь незапертой ради удобства, но потом я понял, что, если звонок все-таки раздастся, значит, пришел тот, кого я не знаю. Звонок стал сигналом, что за дверью незнакомец. Я приучился не отвечать сам на подобные звонки, потому что, скорее всего, за дверью окажется шериф с какими-нибудь гнусными бумагами, и для него мне нет никакой нужды быть дома.

– Как и для старушек с молотками в руках, – ввернул я.

– С молотками? – изумился Джо. – Не думаю, что знаю хотя бы одну старушку, которая таскает с собой молоток.

– У той, которая разбила ваши окна, он точно был.

– Так это сделала старушка? – Джо выглядел совершенно озадаченным. – Мне правда и самому было интересно, кто это сделал. Мы думали, что кто-то просто слишком сильно хлопнул дверью. Так вы хотите сказать, что видели эту старушку собственными глазами?

– Да.

– Ну здесь, в Саванне, хватает маленьких старушек, – сказал Джо, – и, видно, одной из них я не принес счастья.

Было очевидно, что известие несколько не опечалило Одома.

– Ну что ж, вы кое-что о нас уже знаете, а теперь расскажите нам о себе.

Я назвал себя, представившись писателем из Нью-Йорка.

– А, так, стало быть, вы тот самый новый янки, о котором я уже порядком наслышан. Видите, ничто не ускользает от нашего внимания. Саванна – по-настоящему маленький городок, здесь все знают друг о друге все, и подчас это воспринимается весьма болезненно. Но, с другой стороны, все знают наших переодетых копов, а это несомненный плюс. Что же касается лично вас, то должен отметить, что вы возбудили в городе большое любопытство. Люди думают, что вы пишете очерк о Саванне, и относятся к вам настороженно, однако не пугайтесь, втайне все они хотят попасть в вашу будущую книгу. – Джо рассмеялся и озорно подмигнул мне. – Саванна – очень своеобразное место, но если вы будете слушаться Братца Джо, то все будет в полном порядке. Но все же вам не помешает знать основные местные правила поведения.

Правило номер один: *Всегда напрашивайся на следующую выпивку.* Так делаются все дела. Именно там вы узнаете то, что хотели узнать.

– Думается, это правило мне подойдет, – заметил я.

– Правило номер два: *Никогда не ходи южнее Гастон-стрит.* Все настоящие саваннцы – КСОГи. КСОГ значит «к северу от Гастона». Мы предпочитаем сидеть в старой части города, не устраиваем здесь ярмарок и не выезжаем на юг, кроме тех случаев, когда принимаем приглашения богатых людей на пикники, которые устраиваются в Лендинге. Но для нас вообще все, что к югу от Гастон-стрит, – это уже северный Джексонвилл, и мы, как правило, туда не ходим, пусть живут как знают.

⁷ Cool – спокойный, хладнокровный (англ.).

Правило номер три: *Соблюдай большие праздники – день святого Патрика и день футбольного матча Флорида – Джорджия*. Кстати говоря, в Саванне в день святого Патрика проводится третий по грандиозности парад в Америке. Сюда съезжаются гости со всего Юга. Все учреждения закрываются, кроме ресторанов и баров. Выпивку начинают продавать в шесть часов утра. Во время футбольного матча тоже пьют, но все сходство двух праздников на этом и кончается. Игра – это настоящая война между джентльменами Джорджии и флоридскими варварами. Мы запираемся в домах за неделю до матча, а после него требуется не меньше недели, а то и десяти дней, чтобы улеглись страсти. Мужчины Джорджии с молоком матери впитывают всю серьезность этой игры.

– Женщины тоже, – добавила Мэнди. – Можете спросить любую девчонку из южной Джорджии. Она скажет вам: «Надевать колготки можно только *после* матча Флорида – Джорджия».

Я почувствовал, что стремительно становлюсь другом Джо и Мэнди.

– Значит, так, – заговорил Джо. – Теперь, когда вы попали в наши ласковые руки, мы будем вас всячески опекать и очень расстроимся, если вам что-то будет нужно, а вы не попросите нас об этом, или если у вас будут неприятности, а вы не позовете нас на помощь.

Мэнди забралась на колени к Джо и пощекотала носом его ухо.

– Вы только поместите нас в свою книгу, – попросил он. – Вы, конечно, понимаете, что мы захотим сыграть самих себя в киноверсии, правда, Мэнди?

– Мммм, – прозвучало в ответ.

От избытка чувств Джо сыграл несколько тактов из «Ура Голливуду» (еще один мотив Джонни Мерсера).

– В этой вашей книге, если хотите, можете вывести меня под моим настоящим именем, или назовите меня «Сентиментальным джентльменом из Джорджии», потому что это – истинная правда.

Я лишь сентиментальный джентльмен
Из Джорджии, из Джорджии,
Мне нравится смотреть на дам, стоящих в лоджиях.
Уж коль доходит до любви – тут я профессор,
Да, сэр!
Я – Мейсон – Диксонский любовник,
Смотри, какие персики вокруг,
Я их поклонник.
Здесь крошка каждая такому вас научит...
Лови момент и не рассчитывай на случай.
Я лишь сентиментальный джентльмен
Из Джорджии, из Джорджии,
Мне нравится смотреть на дам, стоящих в лоджиях.

Джо пел с таким победоносным шармом, что у меня вылетела из головы всякая мысль о том, что этот человек на моих глазах воровал у соседей электроэнергию и, по его же признанию, водил за нос служителей закона, увеличивая тем самым судебные издержки до бог знает каких сумм. Его заискивающие манеры превращали все, что он делал, в добродушную забаву. Позже, провожая меня к выходу, он шутил и балагурил с таким легким изяществом, что только придя домой, я понял: прощаясь, Джо ухитрился занять у меня двадцать долларов.

Глава IV

Обустройство

Начав таким образом многообещающую, хотя и несколько необычную светскую жизнь, я решил обставить свое жилище, чтобы в нем можно было комфортно жить и работать. Как можно догадаться, для покупки столь необходимых вещей, как книжные полки, секретер и настольная лампа, я посетил лавку всяческого старья, расположенную на окраине города. Лавка представляла собой захламленное, напоминающее хлев складское помещение, несколько комнат которого были забиты столовыми мини-гарнитурами «Формика», диванами, офисной мебелью и всевозможной бытовой техникой, начиная от сушилки для белья и кончая овощерезками. Владелец восседал, словно Будда, за конторкой, время от времени выкрикивая «хэлло» посетителям и краткие распоряжения – последние относились исключительно к продавцу.

Продавцу можно было на вид дать около сорока лет, и отличался он на редкость неподвижным и маловыразительным лицом. Светло-каштановые волосы были разделены прямым пробором, а руки словно плети свисали вдоль туловища. Одет он был чисто, но в сильно поношенные вещи, под стать тем костюмам и рубашкам, которые в изобилии висели на вешалке в углу одного из торговых залов. Меня сразу поразило, насколько здорово этот человек ориентировался в необозримом ассортименте своего магазина. На вопросы он отвечал примерно так:

– У нас есть семь вещичек такого типа, что вам надо, – одна как новенькая, четыре – в приличном состоянии, одна сломана, но ее можно починить, а седьмую надо смело выбрасывать.

В дополнение к тому, что в его голове уместился подробный каталог товаров, продавец оказался истинным виртуозом в знании сильных и слабых сторон всех без исключения приспособлений, продававшихся в магазине, даже тех, которые уже давно якобы перестали существовать.

– Этот велосипед был очень хорош в пятидесятые годы, – говорил он. – У машины целых пять скоростей, и, если постараться, можно найти к нему запчасти, и довольно быстро.

Такое отношение к делу настолько впечатлило меня, что я не сразу заметил одну деталь, которая поразила меня окончательно. Левое веко продавца пылало, словно закат накануне ветреного дня, – на этот глаз была искусно нанесена тень для век отчаянно пурпурного цвета.

Эта подробность его макияжа настолько меня потрясла, что я какое-то время не слышал, что именно он говорил. Мне стало страшно любопытно, не происходит ли с этим человеком некая ночная метаморфоза, – мне сразу представилась диадема, открытое платье, обнажающее плечи, и трепещущий в руке, затянутой в длинную белую перчатку, веер из страусовых перьев. Но, может быть, я ошибся? Может быть, это боевой раскрас панка? Кто знает, возможно, этот тихий человек с милыми мягкими манерами после работы надевает грубые башмаки на толстой подошве, рваную футболку и начесывает волосы.

Первое потрясение прошло, и я расслышал, наконец, что именно говорит продавец. В результате я, не торгуясь, купил то, что он мне показывал. Через неделю мне снова случилось заехать в этот магазин, и на этот раз я изо всех сил старался не слишком пристально разглядывать пурпурное веко продавца.

Пока он занимался мною, хозяин несколько раз окликал его, спрашивая что-то о том или ином товаре. Каждый раз продавец слегка поворачивал голову и, не глядя прямо на собеседника, давал ему подробную справку. После одной из таких реплик продавец произнес вполголоса:

– То, чего босс не знает, ни за что его не обидит.

– Что вы хотите этим сказать? – спросил я.

– Ему это не понравилось, – ответил продавец, показав на свой разукрашенный глаз. – Нет, не думайте, я не наркоман и не какой-нибудь чокнутый. Я просто люблю красить глаза. Я их всю жизнь крашу, но босс велел мне прекратить это дело, и я решил, что уйду из этого магазина и никогда больше сюда не вернусь. Но потом я подумал: «Ну-ка, постой. Он никогда не встает со своего стула, а мой стол стоит слева от него, так что если я не стану поворачиваться к нему левым глазом, то он вообще ничего не заметит». Это было два года назад, и с тех пор он не сказал мне ни слова о моем глазе.

Когда я в следующий раз завернул в лавку, продавца не оказалось на месте, но вскоре он должен был вернуться. В ожидании я беседовал с хозяином.

– Джек – очень хороший человек, – говорил он, имея в виду продавца. – Он самый лучший из всех, кого я когда-нибудь знал. Правда, он имеет свои странности. Во-первых, он одинок. В нашем магазине и во всем, что здесь находится, – вся его жизнь. За глаза я называю его «Джек – одноглазый пират». Нет, нет, не за его лицо, вовсе нет. Дело совсем в другом. Вы знаете, он накладывал тени на веки. Боже, это выглядело ужасно, и я сказал ему: «Я не могу терпеть такое в своем магазине! Никакой косметики, или я вас уволю!» И как вы думаете, что он сделал? Ни за что не угадаете! На следующий день он как ни в чем не бывало явился на работу и никакой косметики на нем не было, насколько я мог заметить. Правда, он стал как-то странно ходить по магазину, держась поближе к стенам, а иногда, как рак, пятился задом. Но как-то раз он прошел мимо зеркального шкафа и я четко увидел, что один глаз у него все-таки накрашен.

Я уже был готов выставить его за дверь пинком под зад, но передумал. Он очень хорош в своем деле и своим видом нисколько не шокирует покупателей. Поэтому я промолчал. Но с того дня Джек все время отворачивается от меня накрашенным глазом, он вообще не поворачивается ко мне левым боком. Он, наверное, думает, что я или слепой, или полный идиот, но меня это совершенно не волнует. Он притворяется, что не пользуется макияжем, а я притворяюсь, что ничего не вижу и не знаю, как он наплевал на мои пожелания. А он тем временем воротит от меня нос, разговаривает со мной, повернувшись вполоборота и цедя слова уголком рта, и надеется, что я никогда ничего не замечу. А я подыгрываю ему, делая вид, что и в самом деле ничего не замечаю. Не знаю, право, кто из нас больше сумасшедший – я или «Джек – одноглазый пират», но, как видите, мы с ним прекрасно уживаемся в магазине.

Прошло не так уж много времени, а у меня уже установился новый распорядок дня, ставший стереотипным: утренняя пробежка вокруг Форсайт-парка, завтрак в аптеке Клэри и вечерняя прогулка по Булл-стрит. Довольно скоро я заметил, что мои ежедневные ритуалы совпадают по времени с ежедневными ритуалами других людей. Наши дела разводили нас по разным местам в другие часы дня, но мы регулярно пересекались в одно и то же время суток, занимаясь одинаковым делом. Одним из таких людей оказался черный мужчина, который одновременно со мной бежал по Форсайт-парку. Это был высокий, чуть больше шести футов, худощавый человек с очень темной кожей. Когда я впервые бежал немного позади него, то заметил, что вокруг его ладони был намотан короткий синий кожаный ремешок. Делая очередной шаг, мужчина бил себя по бедру свободным концом этого ремешка, производя при этом резкий свистящий звук. Ритмичные удары ставили меня перед выбором – либо бежать в том же темпе, либо обогнать человека. Я побежал в том же темпе – это было гораздо легче. Когда в тот раз, во время первой встречи, он добежал до угла и свернул к югу, он оглянулся и посмотрел в мою сторону, но не на меня, а куда-то мимо. Делая вслед за мужчиной поворот, я оглянулся через плечо и ярдах в пятидесяти позади себя увидел светловолосую женщину, которая бежала по дорожке. Маленький терьер послушно трусил рядом с ней. Когда я в следующий раз начал пробежку, женщина бежала впереди меня, едва поспевая за своей собакой. Пес свернул в лес, потом выскочил оттуда и вернулся к хозяйке. Я сократил расстояние между нами, и в этот момент женщина обернулась. Я проследил за ее взглядом, она смотрела в направлении Дрэй-

тон-стрит, где бежал тот самый черный мужчина с тем же синим ремешком. Мужчина глядел на блондинку.

С тех пор я понял, что они все время бегают по парку вместе, все время поглядывая друг на друга, причем мужчина всегда держал синий ремешок, а женщина всегда была с собакой. Иногда впереди бежал он, иногда – она, и их всегда разделяло не меньше сотни ярдов.

Однажды я встретил мужчину в супермаркете – он толкал перед собой тележку с покупками, а в другой раз, будучи на Райт-сквер, я видел, как он садился в зеленый «Линкольн» последней модели. Правда, ни в супермаркете, ни в «Линкольне» при нем не было ни синего ремешка, ни блондинки. Несколько дней спустя увидел я и даму – она выходила из банка. С ней не было никого, кроме верного терьера, которого она вела на синем поводке.

– У нас в Саванне не бывает черно-белых романов, – заявил мне Джо Одом, когда я в разговоре упомянул о виденной мною парочке. – Особенно между черным мужчиной и белой женщиной. За последние двадцать лет в Саванне многое изменилось, но не это. Единственная женщина, о которой говорили, что у нее черный любовник, – это Бэднесс, но она порвала с ним. Эта дама была женой одного влиятельного саваннского бизнесмена и большую часть своей с ним совместной жизни имела любовников, что вполне приемлемо. Саванна спокойно терпит выставляемую напоказ супружескую неверность, какой бы вопиющей она ни являлась. Саванна обожает такие вещи, она жить без них не может. И сколько бы ни случилось здесь измен, городу всегда будет мало. Но даже Бэднесс хватило ума понять, что можно, а чего нельзя, и, когда ей стало невтерпех завести роман с черным, она уехала с ним в Атланту.

Все это мне было понятно и без Джо, но я не мог разобраться в некоторых мелких деталях, касающихся моих компаньонов по бегу. Почему, например, мужчина постоянно носил с собой синий поводок? Когда и где женщина передавала его ему? В конце концов я понял, что именно этих мелочей я никогда и ни за что не узнаю.

Когда мне случалось прогуливаться по Булл-стрит ближе к вечеру, я непременно встречал по дороге очень старого и исполненного неподдельного достоинства черного джентльмена. На нем неизменно был строгий костюм, накрахмаленная белая сорочка и мягкая фетровая шляпа. Галстуки приглушенных тонов в строгую полоску, костюмы отличного покроя, правда, сшитые на несколько более крупного человека.

Каждый день, в одно и то же время, старик проходил через кованые железные ворота грандиозного Армстронг-Хауза и гулял по северной стороне Форсайт-парка, затем он поворачивал налево и шел по Булл-стрит к Сити-холл, откуда возвращался тем же путем. Это был настоящий джентльмен. Встречаясь со знакомыми, он кивал головой и в знак приветствия приподнимал шляпу. Однако мне удалось заметить, что и он сам и те, кого он приветствовал, играют в какую-то весьма странную игру. Большей частью это были хорошо одетые деловые люди, которые задавали старику такой вопрос: «Все еще прогуливаете собаку?» Было совершенно очевидно, что никакой собаки рядом нет, однако джентльмен с достоинством отвечал: «Да, все еще прогуливаю собаку». Потом он оглядывался через плечо, говоря в пространство: «Пошли, Патрик!», и преспокойно дефилировал дальше.

Однажды, проходя по Медисон-сквер, я увидел старика. Он стоял возле монумента, повернувшись лицом к толпе туристов, и пел. Слов я не разобрал, был слышен только пронзительно высокий тенор. Когда старик закончил песню, туристы зааплодировали, а девушка-гид, подойдя к нему, сунула что-то ему в руку. Певец с достоинством поклонился и пошел своей дорогой. К перекрестку мы подошли одновременно.

– Это было прекрасно, – сказал я.

– Что вы, сердечное вам спасибо, – со свойственной ему вежливостью ответил старик. – Меня зовут Уильям Саймон Гловер.

Я тоже представился и сообщил мистеру Гловеру, что мы с ним часто гуляем по одной улице. Я не стал упоминать о собаке, надеясь, что эта тема всплывет в беседе сама собой.

– О да, – проговорил он. – Я бываю в центре каждый день в семь часов утра. Мне восемьдесят шесть лет, и я давно на пенсии, но стараюсь не залеживаться. Работаю швейцаром в юридической конторе «Бьюхен, Уильямс и Леви».

В голосе мистера Гловера проскользнули самодовольные нотки. Он произнес название конторы так, словно после каждой фамилии стоял восклицательный знак.

– Сейчас я швейцар, но все знают, что на самом деле я – певец, – продолжил он, когда мы двинулись на зеленый свет. – Я начал учиться пению в церкви, когда мне было двенадцать лет. Я качал тогда за четвертак в день мехи органа, одна леди играла на нем, а другая пела. Я тогда не знал ни немецкого, ни французского, ни итальянского, но так часто слышал то, что пела та леди, что научился петь сам, не понимая ни одного слова. Как-то раз, в воскресенье, во время утренней службы леди не смогла петь, и я исполнил вместо нее «Аллилуйя», и не как-нибудь, а по-итальянски.

– И получилось? – поинтересовался я.

Мистер Гловер остановился и внимательно посмотрел на меня. Потом он широко открыл рот и набрал в легкие побольше воздуха. Откуда-то из глубин его необъятной глотки раздался высокий, дребезжащий звук: «Ааааа ли луууу йаа, ааа ли луу йаа, ааа ли луу йаа!» Я слышал сейчас не тенор, а самый настоящий вибрирующий фальцет. Видимо, в памяти старика намертво запечатлелось сопрано, которым много лет назад пела в церкви этот гимн «та леди».

– Ааа ли луу йаа, ааа ли луу йаа, ааа ли луу йаа, ааа ли луу йаа, ааа ли луу йаа, ааа ли луу йаа! – Мистер Гловер на секунду остановился, чтобы набрать в легкие еще одну порцию воздуха. – А заканчивала леди всегда так: АААААААааа ли лууууууууууу йаа!

– Таким, значит, был ваш дебют, – заметил я.

– Сушая правда! Так я начинал. Потом та леди научила меня петь по-немецки, по-французски и по-итальянски! О да! В шестнадцатом году я стал музыкальным директором первой африканской баптистской церкви. Я дирижировал хором в пятьсот человек восемнадцатого ноября тысяча девятьсот тридцать третьего года, когда в Саванну приехал президент Франклин Рузвельт. Я так хорошо помню дату только потому, что в этот день родилась моя дочь. Я назвал ее Элеонор Рузвельт Гловер. Я даже помню, что мы исполняли в тот день – это была песня «Приезжай к нам». Я пел вместе с хором, а доктор в это время говорил моим друзьям: «Передайте Гловеру, что он может надрываться сколько ему угодно, но я только полчаса назад был у него дома и оставил ему на память маленькую девчонку. Так что пусть он теперь придет ко мне и не забудет принести пятнадцать долларов».

Мы расстались на углу Оглторп-авеню, и только тут я вспомнил, что ничего не узнал о воображаемой собаке, о Патрике. Приблизительно неделю спустя я снова встретил мистера Гловера и на этот раз решил непременно прояснить интересовавший меня вопрос. Однако старик был склонен поговорить на совершенно другие темы.

– Вы конечно, слышаны о психологии, – начал он. – Вы учили ее в школе, а вот я на вокзале учил хитрологию. Во время войны я служил вокзальным носильщиком, и надо было как следует ублажить клиента, чтобы он расщедрился и дал тебе пятьдесят центов, а то и целый доллар. Бывало, говоришь: «Подождите секунду, сэр! Вы поедете на клубной машине, а у вас галстук сидит криво». Его галстук прям, как стрела, но это не важно. Ты сам делаешь его кривым и тут же поправляешь. Клиенту это обычно нравится. Такая вот наука – хитрология!

Всегда держи в кармане одежную щетку и старайся при каждом удобном случае почистить одежду клиента, даже если ему это не нужно. Почисти и поправь ему воротник. Если надо, сверни воротник набок, а потом поправь. Пусть даме и не нужна коробка для шляпки – неважно, но ты, будь добр, возьми и положи ее шляпку в коробку! Если будешь сидеть и ничего не делать, то ничего и не получишь!

Усвоил я и еще кое-что. Никогда не спрашивай у человека: «Как поживает миссис Браун?» Нет, надо спрашивать: «Как поживает мисс Джулия? Скажите ей, что я интересо-

вался ею». Я, к примеру, никогда не спрашивал мистера Бьюхена о миссис Бьюхен. Я спрашивал: «Как поживает мисс Хелен? *Передайте ей, что я спрашивал о ней*». Это очень нравилось мистеру Бьюхену, и он дарил мне свои старые костюмы и ботинки, а мисс Хелен дарила мне пластинки из своей коллекции, какие хочешь пластинки. Там были такие, которых у меня самого никогда бы не появилось. Я и не слыхал о таких. Я получил от нее даже запись этого великого оперного певца Генри Карузо!

– Я все время занят, – продолжал мистер Гловер, – а не сижу сложа руки. Я получаю пятьсот долларов страховки и уплатил за нее все, до последнего цента. Я семьдесят лет платил по двадцать пять центов в неделю, а теперь получаю их назад! На прошлой неделе страховая компания «Метрополитен» прислала мне чек на тысячу долларов! – Глаза мистера Гловера горделиво засверкали. – Нет, сэр, я не сижу сложа руки.

– Гловер! – раздался сзади громкий оклик. Нас догонял высокий седовласый мужчина в сером костюме. – Все еще прогуливаешь собаку?

– Да, сэр, конечно. – Мистер Гловер слегка поклонился, притронулся пальцами к полям шляпы и сделал жест в сторону несуществующего пса. – Я до сих пор прогуливаю Патрика.

– Рад это слышать, Гловер. Так держать! Ты уж заботься о нем. – С этими словами мужчина поспешил дальше.

– Как долго вы выгуливали Патрика? – спросил я. Мистер Гловер приосанился.

– О, очень долго. Патрик был собакой мистера Бьюхена. Он приучил своего пса пить виски, а я выгуливал его и был при нем барменом. Мистер Бьюхен распорядился, чтобы после его смерти мне выплачивали по десять долларов в неделю за прогулки с Патриком. Мистер Бьюхен включил этот пункт в свое завещание. Пришлось мне выгуливать Патрика и покупать ему виски. Потом Патрик сдох, и я пошел к судье Лоуренсу, душеприказчику мистера Бьюхена. Я сказал: «Судья, вы можете больше не платить мне десять долларов, потому что пес сдох». Тогда судья Лоуренс спросил: «Что ты такое говоришь, Гловер? Что значит сдох? Я же вижу пса – вот он на ковре». Я оглянулся, но собаки, конечно, не было. Но я подумал минуту и сказал: «О, мне кажется, что я тоже вижу его, судья». Тогда судья сказал: «Вот и хорошо. Ты будешь и дальше с ним гулять, а мы будем и дальше тебе платить». Собаки нет уже двадцать лет, а я все еще выгуливаю ее. Я гуляю по Булл-стрит, временами поглядываю через плечо и покрикиваю: «Пошли, Патрик!»

Должен сказать, что я никогда больше не видел той пожилой леди, которая молотком выбила стекла в окнах Джо Одома. Но я понял, что в Саванне немалое число людей с удовольствием сделали бы то же самое после того, как связались с Джо для ведения своих дел. Думается мне, что достойная старушка входила как раз в их число.

За примерами не надо далеко ходить – совсем недавно из-за упражнений Джо на ниве торговли недвижимостью нажили себе головную боль полдюжины почтенных граждан. Речь идет о деловом здании на улице Лафайет, которое Джо пообещал превратить в роскошный жилой дом. Заканчивая реконструкцию, он устроил в особняке обед с танцами и развлечениями, чтобы показать перспективным покупателям товар лицом. Шестнадцать гостей подписались на квартиры, а шестеро прямо на месте бросили на бочку наличные. Новые хозяева уже паковали вещи, собираясь переезжать, когда дело приняло вовсе неожиданный оборот. Ипотечная компания аннулировала сделку и вновь вступила во владение домом. Как такое могло произойти?! Люди заплатили за жилье сполна! Ответ не заставил себя долго ждать. Оказалось, что Джо уклонился от выплаты по кредитам, взятым на реконструкцию, и не стал затруднять себя переводом долга на имя новых владельцев. На момент лишения права выкупа апартаменты были все еще записаны на Джо, а все остальные рассматривались как косвенные участники дела. Короче, законным владельцам квартир пришлось идти в суд и доказывать свое право на жилье.

Пока длилось это прискорбное дело, Джо не терял присутствия духа и находился в прекрасном настроении. Невозмутимый мастер всяческих церемоний, он бодро заверил своих клиентов, что все как-нибудь утрясется само собой. Поверили ему или нет – неважно; главное, что большинство потерпевших простили его. Одна дама посоветовалась с Господом, и он не велел ей возбуждать дело против Джо. Другая просто отказалась верить, что такой приятный во всех отношениях молодой человек мог подложить людям подобную свинью. «Мне следовало бы ненавидеть его, – сказал один остеопат, потерявший кучу денег в предыдущем финансовом предприятии Джо, – но он такой симпатяга, будь он проклят».

Одно время ходили слухи, что Джо попросту растратил взятые в кредит деньги, арендовав частный самолет до Нового Орлеана и свозив туда дюжину приятелей якобы для подбора канделябров в гостиную, а на самом деле для игры в кегельбане, где и была спущена вся сумма. Однако после лишения права на выкуп стало ясно, что фиаско с домом нисколько не обогатило Джо – скорее наоборот: в результате аферы он потерял машину, катер, дворецкого, жену и право на собственный дом.

Пришлось Джо подрабатывать игрой на фортепьяно на званых вечеринках. Чтобы еще слегка пополнить отощавший бюджет, ему пришлось открыть свой дом для автобусных экскурсий – людям показывали старинный городской особняк, сохранивший историческую обстановку. Несколько раз в неделю, в одиннадцать сорок пять, к Джо являлись поставщики продовольствия с подносами, блюдами и супницами; в полдень подъезжал автобус с экскурсантами, которые проходили по дому, а потом ели ланч и в 12.45 садились в автобус. После этого поставщики продуктов паковали свои вещи и тоже отбывали восвояси.

Как и прежде, в доме номер шестнадцать по Ист-Джонс-стрит круглые сутки звучала музыка. Правда, Джо теперь был заурядным съемщиком. В этом доме ему больше ничего не принадлежало: ни портреты, ни ковры, ни серебро. Одом лишился даже маленьких окошек, на стеклах которых таинственная пожилая леди выместила свою ярость.

Глава V

Изобретатель

У меня за спиной раздался тихий голос, похожий на легкий вздох:

– Не делайте так. Что угодно, но только не так.

Это произошло однажды утром, когда я стоял у прилавка аптекарского магазина Клэри, беседуя с продавщицей. Обернувшись, я увидел мужчину, точнее сказать, пародию на мужчину, сильно смахивающую на воронье пугало. На длинной шее вызывающе торчал кадык. Прямые мягкие волосы спадали на лоб. Лицо мужчины покраснело, словно кто-то подслушал его разговор с самим собой. Однако меня поразило, что если кто-то из нас двоих и был смущен, то точно я, потому что за секунду до этого я попросил у продавщицы совета: что делать с темным кольцом грязи, которую я никак не мог смыть со своего унитаза. Девушка посоветовала мне воспользоваться проволочной губкой.

Услышав это, мужчина самодовольно ухмыльнулся.

– Стальная проволока оставляет на фаянсе царапины, – пояснил он. – У вас на унитаже отложения кальция. Вода здесь очень жесткая. Вам надо потереть грязные места толченым красным кирпичом – он тверже кальция, но мягче фаянса и не оставляет царапин.

Я видел этого человека несколько раз, и всегда именно в магазине Клэри. Он, так же как и я, регулярно завтракал в кафетерии. Мы ни разу с ним не разговаривали, хотя я знал, кто он. Этот человек был главной достопримечательностью аптекарской лавки Клэри – кладезь информации и бурдюк со сплетнями.

Невзирая на застоявшийся запах подгоревшего свиного жира и постоянную опасность, что Рут и Лилли перепутают заказы, кафетерий аптекарского магазина Клэри имел своих верных и постоянных клиентов, являвшихся сюда завтракать и обедать. Люди заходили не спеша, робко или спотыкаясь, но состояние каждого из них очень верно подмечалось зоркими глазами, смотревшими поверх развернутых газет. Постоянные посетители громко приветствовали друг друга, не стесняясь переговаривались через весь зал, и каждое их слово регистрировалось чуткими ушами остальных присутствующих. Объектом мог стать кто угодно – домохозяйка, брокер по недвижимости, адвокат, студентка или даже парочка плотников, работающих в соседнем доме. Кто-то случайно мог услышать, как один плотник говорит другому: «Сегодня нам надо еще заделать проход между его и ее спальней». Дело сделано. Теперь все будут знать, что в супружеских отношениях хозяев злополучного дома наступил ледниковый период, и тема эта станет главным предметом обсуждения до самого вечера. Подслушивание случайно оброненных слов было такой же принадлежностью магазина Клэри, как пудра Гуди.

Человек, посоветовавший мне чистить унитаз кирпичом, каждое утро совершал в кафетерии свой особый ритуал. На завтрак он всегда заказывал одно и то же: яйца, бекон, байеровский аспирин, склянку нашатырного спирта и кока-колу. Но ел и пил он далеко не всегда. Иногда он просто смотрел на еду. Он клал обе руки на стол, словно для того, чтобы тверже фиксировать взгляд, и сидел некоторое время, уставившись на свой заказ. Потом он либо начинал есть, либо, не говоря ни слова, вставал и выходил на улицу. На следующий день Рут ставила ему на стол тот же набор блюд и молча уходила на свое место возле фонтанчика содовой, затягивалась сигаретой и смотрела, что он будет делать дальше. Я тоже стал наблюдать.

Когда человек уходил, не притронувшись к тарелке, Рут, ни к кому не обращаясь, проносила: «Лютер опять ничего не ест», после чего она убирала со стола нетронутый завтрак, а выписанный счет клала возле кассового аппарата. Из замечаний, которые сопровождали каждый его уход, я понял, что этого человека зовут Лютер Дриггерс и что несколько лет назад он прослыл саваннской знаменитостью. Дриггерс сделал замечательное открытие – он ввел в

практику какой-то замечательный препарат, способный проникать сквозь пластик, что привело к изобретению противоблошинных ошейников и противопаразитных покрытий.

Надо сказать, что кое в чем Лютера Дриггера можно считать современным эквивалентом другого саваннского изобретателя – Эли Уитни. Ни тот ни другой не получили ни дайма⁸ за свои открытия. Эли Уитни свято хранил секрет своей хлопкоочистительной машины, пока добивался патента, но допустил тактическую ошибку, показывая женщинам свое изобретение. Он решил, что представительницы слабого пола все равно не поймут, на что смотрят. В один прекрасный день некий предприниматель, естественно, мужчина, переоделся в женское платье и проник в дом Уитни вместе с группой посетительниц. Вскоре этот человек стал изготавливать такие машины, которые незамедлительно запатентовал. Случай Дриггера был осложнен тем обстоятельством, что на момент совершения открытия он был государственным служащим, а они не могут требовать денежного вознаграждения за изобретения. Единственный испытанный способ, которым Дриггерс мог заработать на своем открытии, состоял в тайной продаже его какому-нибудь не слишком щепетильному производителю. Однако, пока несчастный Лютер Дриггерс в смятении взвешивал моральные «за» и «против», один из его коллег перебежал ему дорогу.

На лице Лютера Дриггера навсегда застыла скорбная мина, однако ее причиной являлась не одна только неудачная попытка заработать на противоблошинных ошейниках. Вся жизнь этого человека была отмечена чередой неудачных предприятий. Его ранний брак со школьной подругой продлился чуть больше года. Отец невесты владел супермаркетом, и дочка получила в приданое дом и кучу продуктовых магазинчиков. Когда брак пришел к своему логическому концу, Дриггерс лишился и дома, и магазинов. Лютер переехал в бывший морг на углу Булл- и Джонс-стрит, где первым делом переоборудовал обложенную белым кафелем прозекторскую в душ. Позже он продал кое-что из наследства и купил в городе старый дом. Дом он стал сдавать внаем, а сам решил жить в каретном сарае. В процессе реконструкции он уделил самое пристальное внимание одной маленькой детали лестницы – нестандартной ступеньке. Эта ступенька была выше остальных на дюйм, и тот, кто не знал конструкцию лестницы, обязательно спотыкался при подъеме. То была примитивная сигнализация, призванная уберечь от воровства. Такое приспособление использовалось в старые времена очень широко и сохранилось во многих городских домах, но для Дриггера оно представляло немалую опасность, поскольку он частенько возвращался домой в таком состоянии, что для него могла стать ловушкой даже обычная лестница, не говоря уже о всяких хитрых ступеньках. Но на этом злоключения бедного Лютера не закончились. Когда лестница была наконец возведена, он понял, что упустил из виду очень важную вещь, а именно – в каком месте следовало строить лестницу. Верхний ее конец уперся в ту стену, где должны были быть окна, выходящие в сад. В результате недосмотра окна гостиной смотрели теперь на узкую темную улицу и безобразную помойку.

В один прекрасный день, хромая после падения с коварной ступеньки, Лютер отправился на Райт-сквер взвесить в расположенном там почтовом отделении упаковку марихуаны, которую он хотел купить. Вес ее он решил проверить, чтобы не быть обманутым. Каково же было удивление Дриггера, когда в дверях почты его остановили, пакет конфисковали, а его самого препроводили в полицейский участок. В «Саванна ивнинг пресс» появилась статья, где было написано, что за несколько минут до прихода Лютера какой-то неизвестный позвонил и угрожал взорвать почту. Далее там же говорилось, что в пакете оказалось чуть меньше фунта марихуаны. Как и опасался Дриггерс, продавцы его надули.

Злоключения Лютера очень болезненно переживали его друзья, в особенности упряmica Сирена Доуз. Надо сказать, что Сирена и Лютер представляли собой довольно своеобразную пару. Сирена была много старше Дриггера и проводила почти все свое свободное время в

⁸ Монета достоинством в десять центов.

роскошной кровати с четырьмя колоннами, возлежа на многочисленных подушках и подушечках. Помня о своих золотых днях, она лестью заставила Лютера подавать ей напитки, следить за ее чулками, отвечать на звонки в дверь, готовить лед, взбивать подушки и массировать ей лодыжки. Время от времени она без всякого намека на иронию побуждала Лютера постоять за свои права. «Всякая леди, – говорила она в таких случаях с неподражаемо-тягучим южным акцентом, – ждет, что джентльмен сам возьмет то, что ему принадлежит!» Сирена начинала говорить эти слова, когда вспоминала о пропавших доходах от противоблошиных ошейников, высчитывая, сколько безделушек можно было купить на эти деньги.

В свое время Сирена Вон Доуз слыла замечательной красавицей. Она была настолько блистательна, что знаменитый Сесил Битон будто говаривал, что ему «не приходилось еще фотографировать столь совершенную естественную красоту». Перед Второй мировой войной, будучи на каникулах в Ньюпорте, Сирена, дочь преуспевающего адвоката из Атланты, познакомилась с юным Саймоном Т. Доузом, внуком питсбургского стального магната. Красота Сирены сразила Саймона наповал. Хроникеры светских сплетен, затаив дыхание, следили за их бурным романом, регулярно печатая материалы о нем на страницах своих бульварных листков. Все было хорошо до тех пор, пока известие о помолвке скандальной парочки не появилось на страницах респектабельной нью-йоркской «Дейли ньюс». Узнав о помолвке, мать Саймона – страшная и ужасная Теодора Кэбот Доуз – послала сыну высокомерную телеграмму, состоявшую всего из одного слова. Это слово попало на страницы газет: МОЙ СЫН ЖЕНИТСЯ? «АБСУРД!» – УТВЕРЖДАЕТ МИССИС ДОУЗ. Ответом на неприятие матерью помолвки стал бунт Саймона и Сирены. После медового месяца, проведенного в саваннском отеле «Де Сото», молодожены поселились в Питсбурге.

Став миссис Саймон Т. Доуз, Сирена превратилась в образец шикарной дамы тридцатых и сороковых годов. Ее фотографии украшали рекламу сигарет на разворотах журнала «Лайф». Эти картинки убеждали всех, что миссис Саймон Т. Доуз из Питсбурга – дама, отличающаяся рафинированным вкусом, что она путешествует только первым классом и останавливается только в президентских апартаментах. На рекламных плакатах Сирена восседала обычно в обстановке спокойной неброской роскоши, с откинутой несколько вбок головой. Тонкая струйка дыма поднималась от сигареты, которую красавица держала в своей изящной ручке.

Под этой безмятежностью, однако, пылал неугасимый огонь, и свекровь Сирены прекрасно это понимала. Старшая миссис Доуз решила подчинить Сирену своей воле. Она настойчиво посоветовала Сирене пожертвовать проценты от векселей на благотворительные цели, и младшая миссис Доуз последовала этому совету. Однако, когда Сирена узнала, что ее свекровь отнюдь не спешит делать то же самое, а нагло обманывает невестку, она вlepила свекрови пощечину, обозвав ее «поганой сучкой». Женщины возненавидели друг друга.

Когда Саймон Доуз случайно прострелил себе голову и умер, его мать, наконец, взяла реванш. Семейные дела были устроены так, что все наследство и состояние Саймона, минуя Сирену, досталось их детям. Но не такова была Сирена, чтобы остаться ни с чем. Она объявила о намерении продать свой дом в Питсбурге черной семье. Соседи попросили ее не делать этого и предложили сами купить его. Сирена продала дом за баснословную сумму и переехала в Саванну.

Именно в Саванне Сирена стремительно вступила в средний возраст. Она набрала вес и начала делать себе бесконечные поблажки. Она целыми днями лежала в постели, принимала гостей, пила martini и розовые ликеры и играла с карликовым белым пуделем по кличке Лулу.

Насколько Сирена ненавидела семью своего покойного мужа, настолько же упивалась она рассказами о своей близости с ней. Она без устали повторяла всем знакомым, что кровать, на которой она лежит, принадлежала когда-то стальному королю и миллионеру Алджернону Доузу. Фотографии Доузов и Кэботов несли бессменную вахту на ее ночном столике. Написанный в полный рост портрет ненавистной свекрови украшал столовую, а ее собственные

фотографии, выполненные Сесилом Битоном, во множестве висели на стенах спальни. Сама хозяйка цвела и благоухала в музее своего бывшего великолепия. Ее гардероб был буквально набит коротенькими ночными рубашками и пеньюарами. Она выставляла напоказ свои все еще красивые ноги и старательно закрывала верх облаком из перьев и шифона. Она красила волосы в огненно-рыжий, а ногти на руках и ногах в темно-зеленый цвет. Она задиралась и льстила, ругалась и ласково мурлыкала. Она вальяжно растягивала слова, и сквернословила, и фриволюничала. Когда ей надо было придать себе уверенности, она расшвыривала по комнате все, что попадалось ей под руку – подушки, бутылки и даже пуделя Лулу. Бывало, что она с проклятиями и грохотом сбрасывала на пол фотографии Доузов и Кэботов.

Сирена не стремилась проникнуть в высший свет Саванны; впрочем, ее туда и не приглашали. Однако сливки местного общества не уставали говорить о ней. «К ней никогда не ходят супружеские пары, – говорила одна женщина, жившая через два дома от Сирены, – только молодые люди. Вы никогда не увидите, чтобы в ее дом зашла леди. Насколько я знаю, она даже не состоит ни в одном садовом клубе. Да, она очень плохая соседка». Но за всем этим скандальным фасадом скрывалась странная истина: Сирена любила Лютера, а Лютер любил Сирену.

У скромного, застенчивого и незадачливого Лютера Дриггерса имелась своя теневая сторона. Он был одержим несколькими демонами, которые доставляли ему массу неприятностей. Одним из таких демонов стала хроническая бессонница. Однажды Лютер не спал девять ночей кряду. Но сон, даже когда он приходил, редко бывал мирным. Лютер обычно спал, крепко стиснув зубы и сжав кулаки. Утром он просыпался с болью в челюстях и с глубокими царапинами на ладонях. Люди весьма опасались демонов Лютера, однако их нисколько не беспокоили нетронутые завтраки, плохой сон и кровоточащие ладони Дриггерса. Люди опасались чего-то более серьезного.

По городу ходил упорный слух, что у Лютера Дриггерса хранится дома бутылка с таким сильным ядом, что если его вылить в водопроводную сеть города, то умрут все мужчины, женщины и дети в Саванне. Несколько лет назад группа особенно нервных граждан заявила об этом в полицию, и стражи порядка сделали обыск в его доме и ничего там не нашли. Такой поворот дела никого не успокоил, и слухи продолжали обрастать все новыми и новыми подробностями.

Определенно, Лютер знал все о ядах и о том, как ими пользоваться, поскольку работал техником в государственном инсектарии, расположенном на окраине Саванны. В его обязанности входило просеивать образцы почвы, взятой со скотных дворов и полей, выискивать там личинки, а потом выращивать из них всяких жучков, чтобы на них можно было испытывать инсектициды. Самой трудной частью работы являлось впрыскивание яда в грудную полость насекомого. Эта работа требовала почти ювелирных навыков и напоминала труд часового мастера. Делать это на трезвую голову было почти невозможно – мутилось в глазах, и сильно дрожали руки. «Боже, какая скучная работа», – не раз говорил Лютер.

Иногда, чтобы развлечься, Дриггерс усыплял обыкновенных домашних мух и приклеивал к их спинкам длинные нити. Мухи просыпались и, взлетая, тянули за собой нитки. «Так их легче ловить», – приговаривал Лютер.

При случае он ходил по центру Саванны, держа на разноцветных нитках по дюжине мух. Некоторые люди выгуливают собак – Лютер выгуливал мух. Бывало, что он приходил в гости к друзьям со своими мухами и выпускал их прямо в гостиных.

Были у него и другие развлечения: иногда он приклеивал крылья ос к крыльям мух, чтобы улучшить их аэродинамические свойства. Иногда он укорачивал одно из крыльев, и такая муха начинала летать кругами всю оставшуюся жизнь.

Именно эта сторона натуры Лютера Дриггерса, его странные увлечения и причуды, внушали наибольшие опасения людям, которые никак не могли отделаться от неприятного ощущения, что настанет день – и странный человек выплеснет содержимое своей страшной бутылки

в саваннский водопровод. Особенно сильное волнение граждане Саванны начинали испытывать, когда Лютером овладевал какой-нибудь из его демонов. Если Лютер покидал кафетерий, не притронувшись к завтраку – а в последнее время это случалось довольно часто, – значит, его демоны начинали просыпаться.

Такая мысль не давала покоя и мне, когда Лютер учил меня чистить унитаз. Закончив с этим вопросом, он рассказал массу интересного о саваннском водопроводе. Оказалось, что вода поступает в Саванну из артезианских скважин, что водоносный пласт расположен в известняке, богатом бикарбонатом кальция, который теряет одну молекулу и, превращаясь в карбонат кальция, при высыхании раствора образует на сантехнике темный налет. «Послушайте, – меня так и подмывало задать ему этот вопрос, – какое отношение вы имеете к смертельному яду, о котором здесь говорят все?» Однако я сдержался и просто поблагодарил его за совет.

На следующее утро, когда он сел за столик рядом со мной, я наклонился к Лютеру и поделился с ним своей новостью.

– Кирпич помог, – сообщил я. – Большое вам спасибо.

– Вот и хорошо, – обрадовался он. – Можно было еще воспользоваться пемзой, она, пожалуй, не хуже кирпича.

Рут поставила перед Лютером его завтрак, и он, как всегда, внимательно уставился на него ничего не выражающим взглядом. Я вдруг заметил, что к петлице лацкана его пиджака привязана зеленая нитка, конец которой свободно свисал почти до пола. Пока Лютер смотрел на яйца, нитка внезапно натянулась, потом повернулась против часовой стрелки, и ее конец переместился на левое плечо Дриггера. Задержавшись там на мгновение, нитка, словно подхваченная сильным сквозняком, взмыла вверх. Повисев наверху, кончик нити с приклеенной к нему мухой резко опустился на грудь Лютера. Он же, казалось, совершенно не замечал ни движения нити, ни кульбитов мухи.

Наконец он увидел, что я внимательно смотрю на него.

– Не знаю, – промямлил он со вздохом, – что это, но иногда я не могу даже смотреть на завтрак.

– Это я уже замечал, – сказал я.

Лютер залился краской, поняв, что его привычки в еде являются предметом пристального внимания окружающих, и принялся за свой завтрак.

– У меня не хватает кислоты в желудочном соке, – признался Дриггерс. – Но это не слишком серьезно. Называется такое состояние ахлоргидрией. Мне говорили, что у Распутина была точно такая же болезнь, а я этого не знал. Я знал только, что от стресса у меня просто перестает выделяться желудочный сок и я не могу переваривать пищу. Потом это проходит.

– Кстати, о желудочном соке, – проговорил я. – Вы, значит, в последнее время находитесь в каком-то напряжении?

– Да, пожалуй, – ответил Лютер. – Я сейчас работаю над одной новой штукой, на которой смогу заработать кучу денег, если, конечно, все получится. Проблема заключается в том, что пока я не могу заставить ее работать.

Он помолчал, словно соображая, стоит ли оказывать мне высокое доверие.

– Вы знаете, что такое фосфоресценция? – спросил он. – Это свечение, которое испускают в темноте некоторые предметы. Во многих барах так светятся аквариумы с рыбками. На площади Джонсона стоит пурпурное дерево, которое тоже светится в темноте. Как-то раз я подумал: «Какой срам, что золотые рыбки не светятся». Так вот, я ищу способ заставить их светиться. Если они научатся это делать, то в затемненном аквариуме они будут выглядеть словно гигантские огненные искры, кружащиеся в воздухе. Да любой подвыпивший мужчина в баре будет смотреть на таких рыбок часами. Я бы смотрел. Каждый бар в Америке должен будет купить таких рыбок. Вот почему я хочу научить их светиться в темноте.

– И вы думаете, что сможете?

– Я экспериментирую с флуоресцентными красителями, – пояснил Лютер. – Сначала я просто окунал рыбок в краску, но это их убивало. Тогда я стал действовать более осмотрительно – вылил чайную ложку красителя в аквариум и стал ждать. Через неделю появилось слабое свечение на жабрах и плавниках, но для бара этого мало. Я стал добавлять в аквариум больше красителя, но характер свечения от этого не изменился. Единственное, чего я добился, – это повышения содержания фосфора в аквариумной воде, от чего через пару дней все рыбки погибли. На этой стадии я сейчас и нахожусь.

Муха приземлилась на бровь Лютера. Нитка висела вдоль щеки, словно шнурок монокля.

Светящиеся золотые рыбки Дригтерса. Господи, а почему нет? Состояния делались и не на таком.

– Мне нравится ваша идея, – одобрил я. – Надеюсь, у вас все получится.

– Я дам вам знать об этом, – произнес Лютер.

В последующие дни наши разговоры с Лютером были очень краткими. Иногда они ограничивались тем, что он просто махал мне рукой и поднимал кверху большой палец. Однажды мне показалось, что над Лютером вьется небольшой слепень. Не знаю, был ли он привязан, но, когда Дригтерс шел к кассе, насекомое последовало за ним, а когда он выходил из кафетерия, было такое впечатление, что он галантно открыл дверь, пропуская слепня вперед.

Однажды утром, когда я вошел в заведение Клэри, Дригтерс приветливо и призывно помахал мне рукой.

– Я попробовал новый подход, – начал он без всяких предисловий. – Теперь я смешиваю флуоресцентную краску с кормом и уже наблюдаю первые результаты. Жабры и плавники светятся очень хорошо, и появилось свечение вокруг глаз и рта.

Лютер сказал мне, что собирается сегодня вечером возле пурпурного дерева провести первое публичное испытание, и пригласил меня участвовать в этом мероприятии. Мы договорились встретиться в десять часов в доме Сирены Доуз, откуда втроем пойдем к дереву.

Ровно в десять часов Мэгги, горничная Сирены Доуз, открыла мне дверь дома и пригласила пройти в гостиную – пышно обставленное помещение: мебель французского ампира, тяжелые занавеси и сплошная позолота. Выполнив свою обязанность, Мэгги поспешила к хозяйке. Судя по звукам, доносившимся откуда-то из дальней комнаты, появление Сирены откладывалось на неопределенный срок. Из апартаментов доносился бесконечный монолог, произносимый высоким, периодически срывающимся на визг голосом. «Положи его назад! Кому я сказала – положи назад! – верещала миссис Доуз. – Не подходят мне они, не подходят! Не могу же я, в самом деле, надеть эти туфли, черт бы тебя побрал! Теперь дай мне вот эту. Да нет, не эту, а ту! Мэгги, ты сведешь меня с ума! Слушай меня внимательно, и ты все поймешь. Ты позвонила в полицию? Они поймали тех маленьких ублюдков с красными шеями? Что? Да они должны были бы перестрелять их на месте! Убить их! Они же чуть не развалили весь дом! Лютер, дорогой, подними зеркало повыше, а то я ничего не вижу. Да, вот так лучше. Лулу, подойди к мамочке. Подойди к мамочке, Лулу! Оооо! Как мамочка тебя любит. Сейчас я поцелую тебя, моя лапочка, уу, ты, муси-пуси! Мэгги, приготовь мне чего-нибудь выпить. Ты что, не видишь, весь лед растаял?»

В одиннадцать часов в гостиной наконец показались белые, безупречной формы, ноги, поддерживавшие нечто невообразимое из розовых перьев марабу, увенчанное пестрой шляпой с широкими полями, отбрасывавшими густую тень на лицо Сирены, что, впрочем, не мешало разглядеть на нем свидетельства былой красоты. Она улыбалась, открывая ряд ровных белых зубов, выделявшихся на фоне ярко-алых полных губ.

– Я просто в отчаянии от того, что пришлось заставить вас так долго ждать, – кокетливо растягивая слова, промурлыкала Сирена. – Я очень надеюсь, что вы от всей души простите меня, но я, к великому сожалению, совершенно не выпалась. Эти ужасные дети с той стороны

лишь бы наложить лапу на бесценные бриллианты, которые оставил мне мой покойный муж. Вы же знаете, он был одним из богатейших людей в мире. После той ночи, я считаю, мне просто повезло, что я вообще осталась жива.

Лютер, который уже не вполне твердо держался на ногах, выступил вперед и подошел к стойке бара.

– Ну, поехали, – произнес он и без всяких церемоний вытряхнул золотых рыбок в аквариум. Они плюхнулись в воду, подняв тучу зеленоватых брызг. Лютер затаил дыхание и во все глаза смотрел в аквариум, ожидая, когда пузыри лопнут и вода снова станет прозрачной. Рыбки преспокойно плавали в воде, но намного ярче, чем жабры или плавники, светились их внутренности – кишки и прочее. В середине каждой рыбки сворачивались в кольца, сжимались в узлы и выписывали узоры тонкие длинные кишки. Лютер не верил своим глазам. Месяцы труда ушли на то, чтобы засветилась рыба-требуха. Он просто перекормил рыбок.

Завсегдатаи бара на мгновение притихли.

– Дорогой, – нарушила молчание Сирена, – что это за чертовщина?

Тишина кончилась. Теперь каждый спешил подбросить дров в топку насмешек.

– Фу, какая мерзость.

– Рыбий рентген.

– Чушь какая-то!

Лютер был безутешен.

– Мне все равно, – словно в бреду твердил он. – Это не имеет никакого значения. Мне все равно. Мне все равно.

Он беспрестанно повторял эти слова, отвечая ими на любой вопрос: *«Хотите еще выпить?»*, *«Что мы будем делать с этими золотыми рыбками?»*, *«Они не радиоактивны?»* На все следовал один и тот же ответ: «Мне все равно».

Лютер был явно не в состоянии вести автомобиль, и после того как Сирена пожелала ему спокойной ночи на пороге своего дома, я сел за руль его машины, отвез его домой – в каретный сарай – и отвел в гостиную, окна которой выходили вместо сада на помойку. Ночной воздух немного освежил беднягу.

– Не понимаю, с чего я решил дурачить себе мозги этими рыбками? – произнес он вдруг. – Я должен заниматься тем, что знаю, – насекомыми. Не стоит даже пытаться что-то менять. Я часто порывался радикально поменять свою жизнь, и каждый раз у меня ничего не получалось. Однажды я уехал во Флориду, но вскоре вернулся назад. Мне кажется, что во мне слишком много Саванны. Моя семья живет здесь уже семь поколений, а за это время обстановка въедается в гены. Так случается с контрольными насекомыми в лаборатории. Я когда-нибудь рассказывал вам о них? Ну так вот, мои насекомые живут в больших стеклянных сосудах. Некоторые из них содержатся так до двадцати пяти лет. За это время сменяется тысяча поколений. Они знают только ту жизнь, которая протекает внутри сосуда. Они никогда не подвергались действию инсектицидов и загрязняющих веществ. У них совершенно нет сопротивляемости, и, если мы выпускаем их на волю, они немедленно гибнут. Я думаю, что со мной произошло примерно то же самое после семи поколений жизни в Саванне. Саванна стала тем местом, где я только и могу жить. Мы – саваннцы – похожи на жуков в банке.

Лютер извинился и попросил меня подождать его в гостиной. Он нетвердой походкой поднялся по лестнице, однако коварную ступеньку преодолел без приключений. Я слышал, как он прошел через комнату над моей головой. Дверка шкафа открылась и снова закрылась. Когда он вернулся, в руках он держал бутыл из темно-коричневого стекла, закрытую черной навинчивающейся крышкой. Бутылка была наполнена белым порошком.

– Вот один из возможных выходов, – сказал он. – Фторацетат натрия. Это яд. Он в пятьсот раз токсичнее мышьяка. Абсолютно смертельный яд.

Лютер поднес бутыл к свету. На этикетке было от руки написано: *«Монсанто 3039»*.

– Это та самая гадость, которую финны сыпали в свои колодцы, когда в их страну вторглись русские. Воду из этих колодцев нельзя пить до сих пор. Содержимым бутылки я могу убить все живое в Саванне. Десятки тысяч людей, во всяком случае. – Лютер любовался сосудом, и на губах его играла улыбка. – Много лет назад я отвечал за захоронение этого яда на Отлендском острове. Тогда как раз закрыли лабораторию, в которой я работал. Однако я сохранил для себя часть порошка. Его больше чем достаточно.

– Вы когда-нибудь думали воспользоваться им? – спросил я.

– Конечно, думал. Я всегда говорил, что воспользуюсь порошком, если ниггеры вселятся в соседний дом. Ниггеры вселились, а я стал по их милости лжецом.

– Это незаконно – иметь дома такой порошок?

– Еще как незаконно.

– Тогда зачем вы его храните?

– Сначала мне нравилась сама идея. – Лютер говорил насмешливым тоном, как говорят мальчишки, хвастаясь самой большой на их улице рогаткой. – Я много раз держал эту бутылку в руках и воображал, что стоит мне только захотеть и... пуфф!

Лютер протянул мне бутылку. Глядя на нее, я со страхом затаил дыхание, боясь, что могу вдохнуть мельчайшую дозу порошка, если вдруг крышка окажется негерметичной. Мне стало интересно, какие мысли проносились в голове Лютера, когда он держал в руках эту страшную емкость и произносил свое «пуфф!». Потом я понял, что он думал в тот момент. Вероятно, он представлял себе, как граждане Саванны один за другим падают мертвыми – бизнесмены, сидящие на скамейках на площади Джонсона, юные гуляки, бражничающие на Ривер-стрит, медленно идущие по улице черные женщины, прикрывающие головы зонтиками от лучей палящего солнца, официанты с серебряными подносами из Оглторпского клуба, проститутки в шортах с Монтгомери-стрит, туристы, столпившиеся у пансиона миссис Уилкс.

Он забрал у меня бутылку.

– Этот порошок без вкуса и запаха, – пояснил он. – Он убивает, не оставляя никаких следов – в организме немного повышается содержание фторидов, как после чистки зубов пастой с фтором. Жертва умирает от сердечного приступа. Прекрасное оружие – мечта любого убийцы.

Лютер подошел к входной двери и открыл ее. Я понял это как намек на то, что пора уходить. Но я не успел подняться, как Дриггерс резким движением поднял дверь, снял ее с петель и положил на пол в гостиной.

– Это не просто дверь, – сказал он. – Это то, что у нас называют покойницкой доской. На такие доски укладывают покойников и готовят их к погребению. Типичная деталь убранства всех старых домов. В моей семье всегда были покойницкие доски, и я тоже сделал себе такую. Когда я покину этот мир, меня вынесут на кладбище на этой доске.

Скрестив ноги, Лютер сидел на своей покойницкой доске, крепко сжимая в руках заветную бутылку. «Да, – подумал я, – интересно, скольких людей ты унесешь с собой, покинув наш мир?» Лютер закрыл глаза, по лицу его блуждала улыбка.

– Вы знаете, – заговорил я, – что некоторые люди в Саванне, во всяком случае, те, кто собираются у Клэри, боятся, что вы высыплете этот порошок в водопровод?

– Знаю, – ответил он.

– А что будет, если я сейчас вырву у вас из рук эту бутылку и убегу?

– Я вернусь на Отлендский остров и накопаю себе еще порошка. Может быть, – добавил он. Каковы бы ни были намерения Лютера, он явно получал удовольствие от мысли о своей злой силе.

– Когда вы были ребенком – спросил я, – вы отрывали мухам крылья?

– Нет, – ответил он, – но я ловил майских жуков и привязывал их к воздушным шарам.

На следующее утро Рут поставила перед Лютером его обычный завтрак – яйца, бекон, байеровский аспирин, склянку с нашатырным спиртом, кока-колу, – вернулась на свое место и затянулась сигаретой.

– Рут! – окликнул официантку Лютер. – Как ты думаешь, ты сможешь прожить без свещающихся золотых рыбок?

– Смогу, если сможешь ты, Лютер, – ответила она.

Сначала Лютер торопливо проглотил яйца, потом живо справился с беконом и взялся за кока-колу, быстро покончив с завтраком. Лицо его было скорбным, но вполне мирным и спокойным. Лютер ел и хорошо спал, а значит, демоны его успокоились и вели себя тихо. Его страшная бутылка осталась безвредным курьезом. По крайней мере, пока.

Глава VI

Леди шести тысяч песен

За несколько недель моего знакомства с Джо поток посетителей его дома изрядно набрал темп. Возможно, то было лишь впечатление, поскольку теперь я сам стал частью этого потока и наблюдал его, если можно так выразиться, из глубины. Я часто заходил к Джо после завтрака, когда аромат свежесваренного кофе перебивал противный запах вчерашних окурков. Джо к этому времени был чисто выбрит и выглядел вполне отдохнувшим после трех или четырех часов крепкого сна, а среди избранного общества, которым он наслаждался (бармены, записные бонвиваны, водители грузовиков, клерки), обязательно находилась личность, проводившая ночь на софе в гостиной. Даже в этот ранний час жизнь в доме была ключом. Люди ходили по комнатам, то и дело попадая в поле зрения, словно персонажи фильма «Сладкая жизнь».

Однажды утром Джо, сидя за большим роялем в гостиной, пил кофе, перебирал клавиши и беседовал со мной. Мимо нас прошли какой-то толстяк и девушка с косой, увлеченные разговором.

– А вчера она разбила машину своей матери, – сказала девушка.

– Надо же, а я думал, что это телевидение.

– Нет, телевидение было на прошлой неделе.

Они вышли в холл, откуда тотчас заглянул в гостиную лысый мужчина в строгом деловом костюме.

– Встреча состоится в два, – обратился он к Джо. – Как только все кончится, я тебе позвоню. Пожелай мне удачи.

Он исчез, но с кухни в этот момент вышла Мэнди, завернутая в белую простыню и похожая в этом наряде на богиню распутства. Она вытащила из нагрудного кармана рубашки Джо пачку, достала оттуда сигарету, чмокнула своего милого в лоб и, прошептав: «Кончай скорее с этими разводными бумажками», снова скрылась на кухне, где Джерри продолжил ее стричь. В столовой заходил от хохота молодой человек, читая вслух заметку Льюиса Гриззарда какой-то блондинке, которая вовсе не находила чтение забавным. Сверху раздавался дробный стук шпилек по полу.

– Однако уже полдесятого, – проворчал Джо, – а я все еще не скучаю.

Он сказал это не мне, а человеку, с которым в это время разговаривал по телефону, прижав трубку к уху плечом. Джо частенько вел такие расщепленные в пространстве разговоры, причем не всегда можно было понять, что он говорит с несколькими людьми сразу.

– Сегодня утром я проснулся в семь часов, – продолжал между тем Джо, – и обнаружил в постели рядом с собой здоровенный бугор, прикрытый одеялом. «Как странно, – подумал я, – ведь Мэнди сегодня ночует в Уэйкроссе и придет не раньше, чем через час». Я лежал, смотрел на бугор и думал, что бы это могло значить и кто или что это? Куча была большая, я просто не знаю людей такой величины – у меня нет столь толстых знакомых... Потом пришла уверенность, что это человек, а не кипа белья, потому что бугор дышал. Затем я отметил одну странность в его дыхании – оказалось, что оно ощущается в двух разных местах. Тут только до меня дошло, что в этой компании я – третий лишний. Я слегка толкнул кучу, и она оказалась парнем и девчонкой, причем совершенно голыми. Кстати, я видел их впервые в жизни.

Джо минуту молчал, слушая, что говорит его собеседник на противоположном конце провода.

– Хе-хе, ты же прекрасно меня знаешь, Кора Бетт.

Потом он обратился к нам обоим:

– Короче, не успел я открыть рот, как парень спросил: «А ты кто такой?» Знаете, в моей собственной постели мне еще никто и никогда не задавал таких дурацких вопросов. «Я обще-

ственный директор этого заведения, и представляется мне, что мы с вами незнакомы». Я не знал, что мне делать дальше, но в этот момент зазвонил телефон и туристическая фирма огорошила меня известием, что, во-первых, без четверти час ко мне нагрянет очередная партия туристов, а во-вторых, мне придется приготовить ланч на всю эту компанию, поскольку поставщик продуктов заболел... Нет, вы представляете? Ланч на сорок человек!.. Все они члены какого-то танцевального клуба «Полька» из Кливленда. Вот так-то, хе-хе.

Посмеиваясь, Джо слушал, что говорит ему Кора Бетт.

– Но как бы то ни было, – продолжил он после небольшой паузы, – два моих новых голых друга начали одеваться. У парня на руках татуировка – на одной – флаг Конфедерации, а на другой – лист марихуаны. Он натянул на себя очень щегольскую футболку с надписью «Твою мать!». Сейчас и он и его девчонка всюю готовят на кухне креветочный салат для этих сорока танцоров. Джерри тоже там – стрижет Мэнди. Поэтому-то я и говорю, что мне все еще не скучно – разве с ними соскучишься?

Джо сказал Коре Бетт «до свидания», но не успел положить трубку, как в гостиную буквально вплыл длинный, расписанный восточными узорами халат. Сверху его венчало круглое, улыбающееся лицо женщины лет семидесяти. На белом напудренном лице выделялись яркая помада, румяна и густо намазанные тушью ресницы. Черные, как вороново крыло, волосы были туго стянуты в огромный узел и украшали ее голову, словно тюрбан.

– Я уезжаю в Стейтсборо играть в клубе «Кивани», – промолвила она, помахав в воздухе ключами от машины. – В шесть у меня карнавал в Хайнсвилле. В Саванну вернусь в девять. Джо, если я вдруг запоздаю, прикрой меня в баре, ладно?

– Слушаюсь, мадам, – ответил Джо, и женщина удалилась, шелестя шелком и позвякивая ключами.

Одом кивком головы показал на то место, где только что она стояла.

– Вот, только что здесь была самая великая женщина Джорджии – Эмма Келли. Поедьте сегодня с нами, и вы увидите ее в действии. В своем кругу она известна как «Леди шести тысяч песен».

Последние сорок лет Эмма Келли, не зная отдыха, проводила все свое время, за исключением часов сна, колеся по городам и весям Джорджии, играя на фортепьяно везде, где ее ждали – на выпускных вечерах, свадьбах, митингах и церковных собраниях. Ее надо было только попросить – и она приезжала – в Уэйнсборо, Суэйнсборо, Эллабелл, Хейзлхерст, Нью-ингтон, Джесуп и Джимпс. Она играла в каждой школе на вечерах старшеклассников в каждом городке в радиусе сотни миль от Саванны. В назначенный день она могла поехать в Меттер на показ женских мод, потом в Силванию, на съезд отставных учителей, а после этого мчаться в Ренс, на праздник по случаю дня рождения. Ближе к вечеру она возвращалась в Саванну, чтобы поиграть в каком-нибудь ночном заведении. Там она играла по понедельникам в клубе «Ротари», по вторникам в «Львах», у «Кивани» – по четвергам и в первой баптистской церкви – по воскресеньям. Эмма исполняла старые мелодии и шлягеры, блюзы и вальсы. Ее знали все и везде – в ее неизменных восточных халатах, развевающихся накидках и с высоким тюрбаном иссиня-черных волос, скрепленных двумя лакированными заколками.

Эмма происходила из старейшего английского рода, одним из первых прибывшего в Джорджию и Южную Каролину. С Джорджем Келли она познакомилась, когда ей было четыре года, а замуж за него вышла в семнадцать. К тому моменту, когда он умер, Эмма успела родить ему десяти детей. «Не считая пяти выкидышей», – любила добавлять она.

Будучи набожной баптисткой, Эмма не брала в рот спиртного. Правда, один раз, после концерта в офицерском клубе Форт-Стюарта, ее остановили на дороге, подозревая в пьянстве за рулем. Полицейский, задержавший ее, посветил фонарем в салон и заявил, что она пьяна, поскольку последние несколько миль ее мотало на шоссе из стороны в сторону. Это была истинная правда, но дело заключалось в том, что Эмма вела машину и одновременно пыталась снять

с себя корсет. Она зажмурилась от яркого света, запахнула расстегнутую одежду, не зная, как она сможет выйти из машины в таком виде, и стараясь убедить молодого офицера в своей трезвости. На счастье Эммы, она в свое время играла на выпускном вечере в училище, которое в тот год оканчивал этот офицер. Он узнал ее, и через несколько минут пианистка продолжила свой путь.

Большинство патрульных полицейских прекрасно знали машину Эммы, и, когда она поздней ночью проносилась мимо них со скоростью восемьдесят или девяносто миль, они обычно смотрели на это сквозь пальцы. Пианистка очень сочувствовала молодым полицейским, которые, случалось, останавливали ее, гудя сиреной и сверкая мигалкой. В таких случаях она опускала стекло и мягко говорила: «Ты, наверное, новенький». Она уже знала, какой разнос получит этот мальчик от сурового шерифа: «Ты соображаешь, что делаешь, парень? Ты же остановил Эмму Келли! Знаешь, что ты сейчас сделаешь? Нет? Так я тебе скажу. Ты поедешь впереди, и не дай бог, если с ней что-нибудь случится! Тысяча извинений, мадам. Подобное больше не повторится».

В Саванне поклонники Эммы обычно веселым караваном следовали за ней из одного ночного заведения в другое – из «Висперс» и «Пинк-Хауза» в «Фаунтин» и кегельбан «Живой дуб», а оттуда в аэропортовский отель «Кволити». Приезды Эммы были очень выгодны владельцам баров. Блюда и напитки живо разбирались, пока Эмма играла, но стоило ей уехать, как торговля тут же скисала. Много лет дети Эммы просто умоляли ее открыть свой пиано-бар и перестать мотаться по дорогам. После того как она задавила на шоссе девятого оленя, дети перестали умолять и начали просто настаивать.

– Это разбивает мое сердце, – горестно причитала Эмма, – ведь я так люблю животных, да и ремонт машины стоит недешево.

Она обещала детям подумать об открытии пиано-бара в самое ближайшее время.

Джо Одом знал Эмму всю свою сознательную жизнь и частенько ездил слушать ее игру, где бы она ни выступала. Вскоре после его прихода Эмма исполняла «Сентиментальное путешествие». Это был сигнал. Эмма давала знать Джо, что ей хочется отдохнуть, и Одом на несколько минут с удовольствием занимал ее место за инструментом.

В ту ночь, когда Эмма задавила своего десятого оленя, «Сентиментальное путешествие» зазвучало сразу, как только Одом появился в дверях зала.

– Посмотри, что стало с моей машиной, ладно, Джо? – попросила она. – Я не вынесу ее вида.

Шесть месяцев спустя они с Джо открыли в стоявшем на берегу реки старом хлопковом складе пиано-бар и назвали его «У Эммы».

Зал бара был длинным и узким, уютным, как уставленный книжными полками рабочий кабинет. Крошечная танцевальная площадка умещалась в изгибе большого рояля. Витражное окно выходило на реку, по которой то и дело проплывали баржи. Полки вдоль противоположной стены украшала масса фотографий родных и друзей, а альков у входа целиком посвящался памяти Джонни Мерсера. Да и как могло быть иначе, если именно Мерсер наградил Эмму прозвищем «Леди шести тысяч песен». Согласно подсчетам Джонни, именно столько песен она знала. Как-то раз они с Эммой пролистали кипу песенников, и Мерсер лично проверил, сколько песен Эмма может пропеть от начала до конца. Через три года этой нелегкой работы Мерсер смог наконец грамотно оценить запас лирики в голове Эммы и выдал итог: шесть тысяч песен.

Когда я впервые переступил порог бара и скромно занял место, миссис Келли посмотрела в мою сторону и спросила:

– Какая ваша любимая песня?

Я не ожидал такого вопроса и смутился. Мне показалось, что у меня нет любимой песни, но в этот момент я заметил за плечом Эммы изображение огромного сухогруза.

– «Корабль!» – выпалил я. – «Мой корабль плывет под шелковыми парусами».

– О, это очень милая песенка, – одобрила мой выбор Эмма. – Курт Вейль, тысяча девятьсот сорок первый год.

Она сыграла эту мелодию, и с тех пор, стоило мне показаться в баре, как в зале тут же начинал звучать «Мой корабль».

– Владельцы всех прочих баров различают своих завсегдатаев по напиткам, которые те заказывают, – говаривала Эмма, – а я различаю своих по тем песням, которые им нравятся. Когда такой завсегдатай входит в бар, я сразу принимаюсь играть его любимую мелодию. Это приятно щекочет их самолюбие, и они сразу чувствуют себя как дома.

Бар Эммы посещали многие завсегдатаи. Были четыре леди из Эстила, из Южной Каролины. Они наезжали в бар несколько раз в неделю – одни или с мужьями. Был агент по недвижимости Джон Торсен, который имел обыкновение прогуливать перед сном собаку. Иногда он гулял несколько дольше обычного, и собака приводила его к бару. Дорогого гостя – в пижаме и купальном халате – вместе с собакой сажали на привычное место. Как только Торсен устроивался, Эмма тут же начинала играть «В такие моменты» – то была его любимая песня. Была Ванда Брукс – самозваная радушная хозяйка. Она носила щегольские шляпки, а на ее груди красовалась брошь гигантских размеров, на которой фальшивыми бриллиантами были выложены цифры номера ее телефона. Когда-то Ванда была директором школы, а теперь продавала лежаки для соляриев Южной Каролины и прибрежных районов Джорджии. Обычно она приветствовала возгласом «Эй!» совершенно не знакомого ей человека, усаживала его за столик и занимала дружеской беседой. Потом приглашала нового приятеля потанцевать и переключала внимание на других посетителей. Весело болтая, Ванда вечно рылась в сумочке в поисках зажигалки, извиваясь всем телом и прижимаясь к соседу. Дело неизбежно кончалось тем, что вечная сигарета выпадала изо рта или из пальцев и, взрываясь снопом искр, падала на колени злополучного собеседника, который вскакивал, пытаясь стряхнуть с одежды горящие угольки. Когда Ванда заходила в зал, раздавалась мелодия песни «Нью-Йорк, Нью-Йорк».

Заведение Эммы пользовалось популярностью, но не смогло оправдать всех возлагавшихся на него надежд – миссис Келли продолжала свои неумолимые путешествия по Джорджии. Она моталась из конца в конец штата, возвращаясь каждый день в Саванну, где играла до самого утра. Иногда после закрытия она оставалась ночевать в каретном сарае Джо Одома, но чаще придумывала какой-нибудь предлог и направлялась домой в Стейтсборо. По субботам она возвращалась непременно, потому что воскресные дни в Стейтсборо начинались у нее очень рано, а заканчивались очень поздно, в чем мне пришлось убедиться не понаслышке. Эмма пригласила меня пойти вместе с ней на утреннюю службу в церковь, а потом провести с ней остаток дня, и вот что из этого вышло...

Миссис Келли подъехала к стоянке возле первой баптистской церкви Стейтсборо в двадцать минут девятого. Напоминаю, было воскресное утро. На Эмме красовалось пурпурное шелковое платье и синяя накидка с капюшоном. Веки женщины были щедро выкрашены в бирюзовый цвет, на щеках – слой румян.

– Итак, посмотрим, – сказала она. – «У Эммы» закрыли в три часа утра, а до дома я добралась в четыре. Обычно я по дороге съезжаю с шоссе и сплю минут пятнадцать под эстакадой в Эш-Бранче, но на этот раз мое место занял своим здоровенным грузовиком какой-то тип. В результате я легла спать в половине пятого, а в четверть восьмого мне позвонила тетушка Аннализа. Ей девяносто лет, и она следит, чтобы я не опаздывала в церковь. – Эмма поправила лакированные заколки. – Я вполне обхожусь двумя часами сна, но иногда это бывает заметно – глаза немного припухают.

Мы вошли в церковь.

Священник читал проповедь на тему «Искушение и внутренний соблазн». Потом выступил дьякон с рассказом о предстоящих на неделе проповедях; главной должна была стать про-

поведь «Воспрянь, Америка! Бог любит тебя!». Видимо, дьякону показалось, что аудитория не спешила просыпаться в ответ на его пламенные призывы, и он провозгласил: «В Америке сто восемьдесят миллионов людей забыли о Боге. Два миллиона из них живут в Джорджии. Да что там говорить – только в Стейтсборо таких наберется не одна тысяча».

Потом к собравшимся снова обратился священник.

– Нет ли среди нас сегодня гостей?

Эмма шепнула, что мне надо встать. В мою сторону тотчас повернулись сотни голов.

– Добро пожаловать, – сердечно произнес священнослужитель. – Мы рады, что вы смогли присоединиться к нам.

После службы мы с Эммой пошли в часовню, где собирались старики на еженедельное собрание. Правда, нас задержала дюжина особенно дружелюбных прихожан, которые захотели лично поприветствовать меня в церкви, а заодно спросить, откуда я пожаловал.

– Из Нью-Йорка! – воскликнула одна женщина. – Надо же! Между прочим, мой кузен как-то ездил туда.

В часовне Эмма сняла туфли на высоких каблуках и села за орган. Она играла, пока народ неспешно собирался на свою стариковскую сходку. Люди первым делом подходили к Эмме, здоровались с ней, а потом шли ко мне, чтобы сообщить, как они рады моему приходу. Первым к собравшимся обратился мистер Грейнджер.

– Я хочу сказать вам, что жена неплохо себя чувствует. Я знал, что у нее рак, но доктор подтвердил диагноз только во вторник, поэтому я вам ничего и не говорил. У меня на сердце большая тяжесть, но жену хорошо лечат, насколько я могу судить.

С задней скамьи раздался голос какой-то женщины.

– Энн Маккой лежит в саваннском госпитале святого Иосифа. У нее сильные боли в спине.

– Умерла сестра Салли Пауэлл, – произнес кто-то.

– Кто еще? – спросил мистер Грейнджер.

– Клифф Брэдли, – отозвались сразу несколько человек.

– Клифф распрощался со мной вчера вечером и был в добром здравии, – удивился мистер Грейнджер.

– Голди Смит нуждается в наших молитвах, – проговорила еще одна женщина. – У нее что-то случилось с желудком. Ей, правда, сделали протез.

Дама с губами, накрашенными розовой помадой, и в очках в золотой оправе поднялась, чтобы дать всем добрый совет:

– В нашей семье тоже не все было гладко, пока я не посмотрела на себя и не увидела у себя в груди обиталище Господа. У нас у всех в груди обиталище Господа, обратитесь же к Иисусу, следуйте моему примеру.

Собрание закончилось, и мы с Эммой, выйдя из часовни, вместе с дюжиной других женщин направились в воскресную школу, где миссис Келли снова представила меня всем присутствующим. В ответ дамы прочирикали и промурлыкали свои приветствия. Староста объявила, что намерена провести беседу на тему «Божьи люди в изменчивом мире», но, может быть, кто-то хочет вначале сделать важное объявление?

– У Миртл Фостер все еще кровоточит рана, – сказала женщина в очках и светло-зеленом костюме. – Я вчера вечером говорила с Рэпом Нелби – так они сами не знают, когда ее выпишут.

– Нам надо включить ее в список и помолиться за нее, – решила староста.

Тогда заговорила леди с фиолетово-седыми кудряшками:

– Луиза видела Мэри в галантерейном магазине в пятницу. Кажется, обе чувствуют себя неважно, нам надо помолиться и за них.

В течение следующих пяти минут члены конгрегации обсудили здоровье еще нескольких человек, и список пополнился тремя фамилиями.

Покончив с формальностями, староста начала беседу: «Иисус никогда не попросит сделать то, чего не стал бы делать сам», а Эмма достала из книжечки маленький манильский конверт, на котором крупными буквами было написано: «Эмма Келли. 24 доллара». Она тихонько встала и положила пакет в картонную коробку, где уже лежали конверты других женщин. Следовало мне следовать за собой, она на цыпочках вышла в холл, захватив с собой коробку. В дверях кто-то дернул меня за полу пиджака.

– Надеюсь, вам понравилось у нас, – прошептала леди, сидевшая у входа. – Приезжайте к нам еще.

Эмма вывела меня в холл.

– Теперь мы поднимемся на два этажа выше и пойдем к маленьким деткам, – пояснила она.

Но первым делом она завернула в небольшую комнатку без окон, где отдала коробку двум мужчинам, сидевшим за столом, заваленным манильскими конвертами.

– Утро доброе, мисс Эмма, – приветствовали они миссис Келли.

Наверху Эмму уже ждали. Двадцать детишек сидели полукругом возле открытого пианино. Она играла мотив «Вперед, солдаты Христа!», а дети пели заголовки книг Нового Завета: «Ма-атфей, Ма-арк, Лу-ука и Иоа-анн, Де-еяния и Послание к Ри-имля-анам...» Потом Эмма дважды сыграла «Иисус – наш возлюбленный учитель».

– Теперь мы можем идти, – сказала мне Эмма. Мы миновали пролеты уже знакомой лестницы и вышли на стоянку. – Тут есть еще одна леди, которая обычно играет в приюте. Когда ее нет, это делаю я. Но сегодня она на месте.

Таким образом, вместо того чтобы ехать в приют, мы направились в клуб «Деревня на лесном холме», где Эмма, взяв в буфете пару куриных ног и бросив их на тарелку, пошла к роялю и два с половиной часа играла негромкую музыку, скрашивая досуг посетителей, которые целыми семейными группами подходили к ней поздороваться и засвидетельствовать свое почтение.

В половине третьего Эмма встала и попрощалась. Мы сели в машину и проехали по раскаленному ярким полуденным солнцем шоссе до Видейлии – родины знаменитого сладкого лука, куда Эмму пригласили поиграть на свадьбе в ресторане Клуба здорового образа жизни. По прибытии Эмма тотчас же поспешила в дамскую комнату переодеться – она вышла оттуда в развевающемся золотисто-черном кимоно. Хозяйка клуба – крупная блондинка с пышной прической – провела нас по своему водно-оздоровительному заведению, особо обратив наше внимание на открытый и закрытый бассейны с подводными гротами, которыми дама невероятно гордилась. Из церкви стали приезжать гости, однако жениха с невестой не было. Поговаривали, что они заехали по дороге в «Севен-элевен» прихватить шампанского, которое они попробовали в машине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.